

Юрий Бычков

Просто
Чехов

Юрий Бычков
Просто Чехов

«Пробел-2000»

2013

УДК 821.161.1.0+929 Чехов
ББК 83(2Рос=Рус)1-8 Чехов А. П.

Бычков Ю. А.

Просто Чехов / Ю. А. Бычков — «Пробел-2000», 2013

ISBN 978-5-98604-281-7

Юрий Александрович Бычков (г.р. 1931) – искусствовед (член Союза Художников), драматург (член Союза Театральных Деятелей), заслуженный работник культуры РФ, действительный член Международной Академии Наук экологии, безопасности человека и природы (МАН Б), член Международной Академии Наук о природе и обществе (отделение “искусствоведение, музееведение и коллекционирование”), член Центрального Совета ВООПИиК, Почетный член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В 1994-200 гг... директор Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А. П. Чехова в Мелихове. Автор идеи, организатор, учредитель, исполнительный директор Международного театрального фестиваля “Мелиховская весна”. Автор более сорока книг, в их числе около двадцати изданий по чеховедению. 2-е издание.

УДК 821.161.1.0+929 Чехов
ББК 83(2Рос=Рус)1-8 Чехов А. П.

ISBN 978-5-98604-281-7

© Бычков Ю. А., 2013
© Пробел-2000, 2013

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
На перевале	7
Спасибо Таганрогу	45
Мы виноваты одинаково	58
Доктор Чехов	64
Альма-матер	64
В сфере научных интересов	67
«Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь»	72
Земский врач, домашний доктор, визитирующий эскулап	74
«Ловлю холеру за хвост». Мелихово. 1892–1893 гг	82
“Не жалеете Вы себя, Антон Павлович...”	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Юрий Бычков

Просто Чехов

*...За свое в ответе
Я об одном при жизни хлопочу
О том, что знаю лучше всех на свете.
Сказать хочу.
И так, как я хочу.*

А. Твардовский.

Светлой памяти моей супруги Евгении Серафимовны Бычковой

© Бычков Ю. А., 2012

© Оформление. Соловьев М. Б., 2012

Предисловие

Хочу заметить, что мой взгляд на Чехова не имеет ничего общего с довольно распространенным упованием – мой Чехов. Хочется дистанцироваться от такого заносчивого взгляда, от субъективного видения Чехова. «Я знаю только то, что ничего не знаю», – заметил античный мудрец. «Ничего не разберешь на этом свете», – вторил ему Чехов. Объективный взгляд на Чехова – целенаправленность книги. Возможные точки зрения – многочисленные, непредсказуемы. И такой, и такой, и такой – всё Чехов, просто Чехов. Мозаичность – принцип. Информативно и калейдоскопично. Формы изложения событий, чувствований, состояний самые разные: очерки, эссе, комментарии, документальная проза, пьесы, итоги научных изысканий.

В жизни Антон Павлович был чистосердечен, прям, правдив. Справедливость почитал главной человеческой добродетелью. Всегда был верен данному слову. В нравственном отношении это редкостный человек Максим Горький репликой инженера Петра Суслова в пьесе «Дачники» вбрасывает в круг общественного сознания лукавое, но, в сущности, основательное суждение: «Трудно допустить существование человека, который смеет быть самим собой». Действительно, вещь почти невозможная. Чтобы быть самим собой, надо, как минимум, им быть. «Роль прямого человека, – подсказывает Алексей Максимович устами того же Суслова, – трудная роль, чтобы играть ее только недурно, нужно иметь много характера, смелости, ума». Чехов в реальной жизни всегда был самим собой. Каким же он был? Ответ на этот простодушный вопрос автор книги пытается найти в «мелиховском периоде», что естественно, поскольку в этом временном пространстве и обозначенной географической точке, по большей части, пересекались с духом Чехова мои жизненные пути и писательские интересы.

Глава I

Не каждому известны подробности

На перевале

В октябре девяносто первого Антон Павлович, вроде бы ни с чего, а просто так – от избытка чувств, признается Суворину: «Мне ужасно хочется писать, как в Богимове, то есть от утра до вечера и во сне». Следует после этих слов Чехова поставить *nota bene* (хорошо заметить): подобного интимного признания Алексей Сергеевич удостоился не случайно. На протяжении всего 1891 года Чехов и Суворин были близки друг другу, словно единое целое. Все особенности, тонкости, сложности писательского ремесла приятели выкладывают в переписке и доверительных беседах без утайки, начистоту. Всё как в пору, предшествующую поездке на Сахалин, когда Суворин решительно, используя свой авторитет в театральном мире Петербурга, продвигал на Александринскую сцену чеховского «Иванова», отредактированного автором по настоянию Алексея Сергеевича, а Чехов без устали хлопотал в Москве насчет постановки в Малом театре пьесы Суворина «Татьяна Репина». Всё у них на полном доверии.

Чехов за письменным столом. Думает. Не позирует – именно думает. Это его естественное состояние. Плоды его размышлений и чувствований известны. Антону Павловичу 30 лет. Вот-вот будет 31 год. Он вернулся из поездки на Сахалин. Декабрь 1890 года. Его жизнь достигла определенной высоты – он на перевале.

В канун 1891 года Антон Павлович сообщает Суворину, что приступил к повести: «Приеду я в Петербург, вероятно, 8 января. Буду у Вас писать, а если не буду, то уеду. Так как в феврале у меня не будет ни гроша, то мне нужно торопиться кончить повесть, которую я начал. В повести есть кое-что такое, о чем мне надлежит поговорить с Вами и попросить совета». Приехав в Петербург, стремился исполнять своё намерение насчет повести, но работа над только что начатой «Дуэлью» шла «с превеликим трудом». Его поездка на каторжный Сахалин стала общественным событием первой величины и в доме Суворина, где он остановился, Чехова одолевали посетители. Ежедневные обеды с разговорами о поездке, деловые свидания и письма в официальные учреждения в пользу сахалинских каторжников забирали почти всё время. Вернувшись в Москву, он информирует загоревшегося новой повестью Суворина (в Петербурге они сговорились печатать «Дуэль» в «Новом времени»): «Уже пишу... Когда приедете в Москву, повесть будет кончена...» Через несколько дней уведомляет конфиденнта: «Я пишу, пишу... Признаться, боялся, что сахалинская поездка отучила меня писать, теперь же вижу, что ничего. Написал я много».

Антон Павлович Чехов и Алексей Сергеевич Суворин. Январь 1889 года. Снимок сделан в день успешной премьеры пьесы Чехова “Иванов” в императорском Александринском театре.

Замысел «Дуэли» расширялся и углублялся, вводились новые персонажи. Повесть приобретала необычные для Чехова жанровые черты: «Пишу пространно, а ля Ясинский. Всё гладко, ровно, длиннот почти нет, но знаете, что очень скверно? В моей повести нет движения, и это меня пугает». О повести они доверительно рассуждали в совместной поездке по Европе. 17 апреля из Ниццы Чехов сообщает родным: «Я пишу помаленьку, хотя писать в дороге очень трудно». Повесть, очень напоминающая структурой своей роман, автором по времени и месту рождения отнесена к богимовскому лету. Об этом и говорит Антон Павлович Суворину, признаваясь в том, что писал там «от утра до вечера и во сне». Речь шла о «Дуэли».

На выходе из богимовской страды, где «на отдыхе» писал он вперемешку ещё и научно-публицистический «Остров Сахалин», в осенней Москве Чехов приступает к рассказу «Жена», предназначенному для сборника в помощь голодающим. Вскоре работа застопорилась – не доставало живых красок, личных впечатлений. Пока готовился к поездке в Нижегородскую губернию, он, не желая терять богимовского куража, с горячностью, творческим воодушевлением принялся творить художественную реплику нравственного толка с не найденным до поры названием: то ли просто «Рассказ», то ли столь же расплывчатое «Обыватели». «Оба названия подойдут», – без всякой уверенности в справедливости этого умозаключения писал Чехов редактору еженедельника «Север» Владимиру Тихонову. Название в свой час явилось – «Попрыгунья». Публикация повести в двух первых номерах «Севера» за 1892 год вызвала острую реакцию. В персонажах «Попрыгуньи» пожелали себя узнать друзья и близкие знакомые писателя. Прототипом художника Рябовского все считали Исаака Ильича Левитана, в бритом актере на даче Дымовых почему-то «опознал» себя премьер Малого театра Александр Павлович Ленский, женщина в годах – Софья Петровна Кувшинникова поспешила заявить московской общественности, что Попрыгунья, двадцатилетняя Оля Дымова – это она, хотя Чехов, если кого и хотел задеть, уколоть, с кем, не сдержав досады, рассчитался публично за измену и предательство, так то была – в ту пору двадцатилетняя «адская красавица» Лика Мизинова.

Сказанное Чеховым вскользь «ужасно хочется писать» было сущей правдой – хотелось писать и писалось! Редактору «Северного вестника» Альбову он сообщает 30 сентября: «У меня почти готова для Вас маленькая повесть, набросана, но не переписана начисто» («Рассказ неизвестного человека»); в работе путевые записки «Остров Сахалин», в октябре-ноябре им писалась повесть на злобу дня «Жена».

* * *

Осенью 1891 года крестьяне нескольких центральных и поволжских губерний вследствие неурожая голодали. Чехов решительным образом включился в работу по организации помощи голодающим. Он один из деятельных создателей писательского сборника «В помощь голодающим», в котором участвовали Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский, А. Н. Плещеев, Н. К. Михайловский, Н. Н. Златовратский. Издателем выступали «Русские ведомости» во главе с Василием Михайловичем Соболевским. Чехов действовал на издательском направлении в тесной связи с Сувориным, координируя усилия двух влиятельнейших деятелей русской прессы. Соболевский, муж миллионерши Варвары Алексеевны Морозовой, взял на себя расходы по изданию сборника. Несомненно, не обошлось без участия Чехова, пользовавшегося авторитетом у этой семейной пары. Алексей Сергеевич Суво-

рин, не желая отставать на поприще благотворительности от москвичей, и, ревнуя Чехова к Соболевскому с Морозовой, предложил свой способ умножения капитала, предназначенного для помощи голодающим.

Чтобы не вступать в прямые отношения с Соболевским, а тем паче с В. А. Морозовой, Суворин в качестве посредника останавливается на Чехове. Растолковывает ему свое предложение, которое в изложении Антона Павловича весьма привлекательно.

«7 октября. Малая Дмитровка, д. Фирганг.

Многоуважаемый Василий Михайлович!

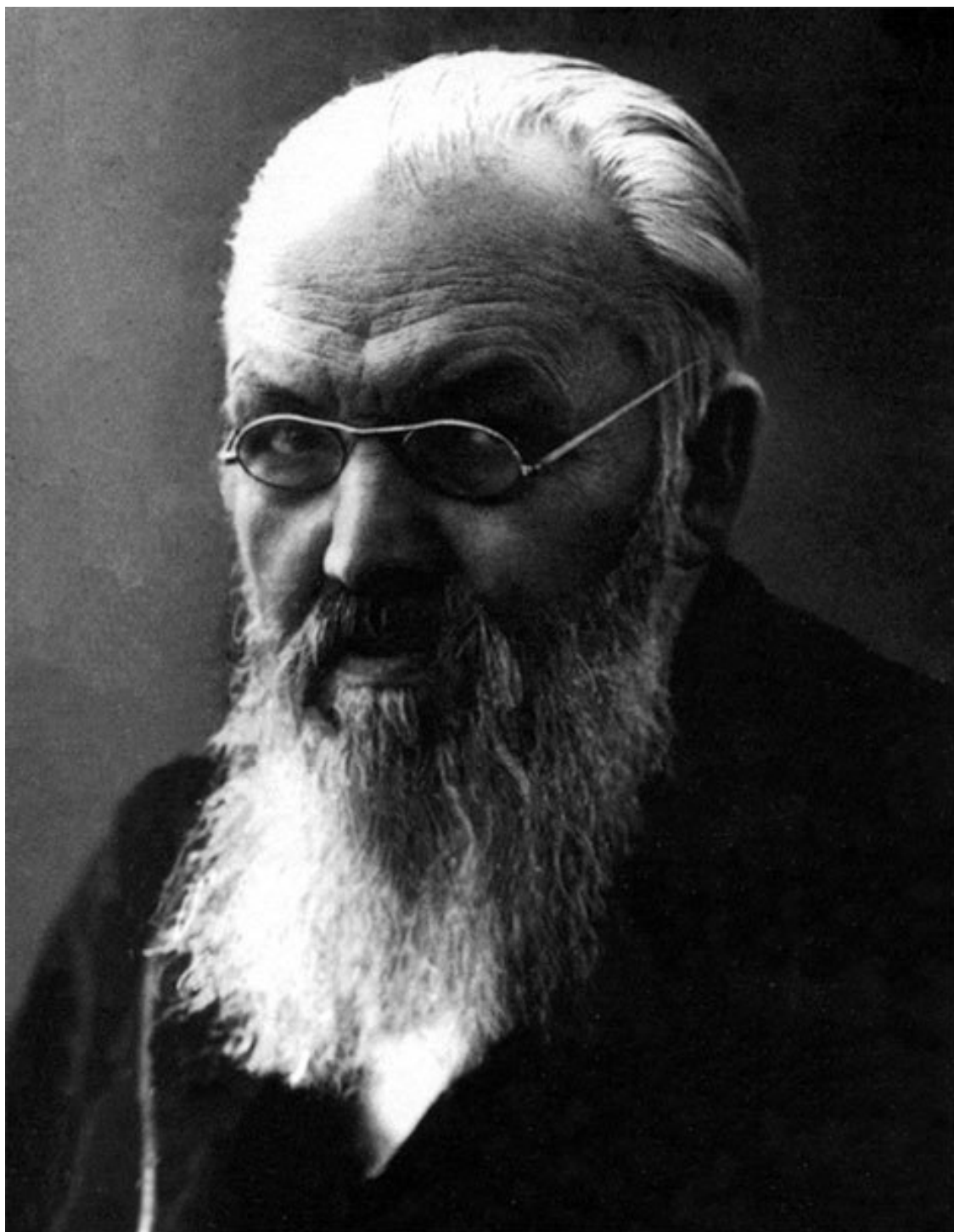
Я получил письмо от А. С. Суворина. Отправился к нему. Свое предложение он формулировал словесно так: «Желательно, чтобы в «Сборнике в пользу голодающих» приняли участие не одни только сотрудники газет и журналов, но также редакции, которые располагают гораздо большими средствами, чем их сотрудники. В этом отношении почин редакции «Русских ведомостей», принимающей на себя все хлопоты и весь риск по изданию, служит хорошим примером, которому так или иначе, не могут не последовать другие редакции. Участие же редакций в «Сборнике» должно выразиться только материально и в более серьезной форме, чем печатание объявлений, рецензий о «Сборнике» и т. п. . . . Если, не считая «Русских ведомостей», которые уже приняли на себя львиную долю участия в «Сборнике», «Новое время», «Русская мысль», «Новости», «Вестник Европы» и прочие напечатают у себя до выхода «Сборника» весь его литературный материал и заплатят двойной гонорар, который пойдет в пользу голодающих, то сбор увеличится *minimum* на 3 тысячи. Я говорю *minimum*, потому что если примерно на каждый лист «Сборника» редакции заплатят 400–500 р., то это может дать около 10 тысяч, что же касается того соображения, что рассказы, напечатанные предварительно в газетах и журналах, не будут уже представлять интереса для писателей «Сборника», то мой опыт расходится с этими соображениями вполне».

Для Суворина в его манере ведения “Нового времени характерен плюрализм – несходство взглядов на явления общественной жизни его, редактора, хозяина газеты, и сотрудников-журналистов, выступавших зачастую с иными взглядами. Как запомнилось современникам, зачастую это были резко консервативные взгляды. Суворин несомненно испытывал благотворное влияние Чехова. Слова одобрения Суворинских “Маленьких писем”-передовиц на злобу дня согревали сердце старого газетчика. Алексей Сергеевич обожал Антона Павловича, тосковал без него.

Чеховский сборник «В сумерках», составленный из рассказов публиковавшихся в газетах и журналах был встречен читателями с большой заинтересованностью, переиздан,

удостоен Пушкинской премии. Только что вышли вторым изданием «Пестрые рассказы». Чеховский опыт издания сборников стал общепринятой нормой.

Насколько был велик в общественных кругах авторитет Чехова, говорит то, что сотрудничать и дружить с ним считали за честь как клан Суворина, так и влиятельнейший тандем Соболевский-Морозова. Василий Михайлович Соболевский редактор-издатель “Русских Ведомостей” вел газету, опираясь на финансовую поддержку жены, известной меценатки Варвары Алексеевны Морозовой. Чехов для них, надо сказать, персона грата. Он, Антон Павлович, добавлял весу всякой почтенной компании. Милая обаятельность, толерантность, внимание, интерес к разным взглядам – он всегда выше кланово-партийных дрызг.

13 октября Антон Павлович, вполне довольный собой, сообщил Суворину, что был в «Русских ведомостях» и «Русские ведомости» были у него, что предложения хозяина «Нового времени» приняты с увлечением и доброжелательством, что Соболевского тронуло не столько выгодное предложение, сколько желание участвовать в общем деле помощи голодающим. «Разговаривая со мной и между собой, – писал Чехов, – они называли Вас не Сувориным, а Алексеем Сергеевичем, говорили о Вашей всегдашней искренности, доброте, отзывчивости и проч., а такое чистое отношение к Вам и Вашему делегату произвело на меня такое впечатление, что я три дня подряд виделся с ними, говорил, завтракал и проч.».

Это прочее содержало рассказ Варвары Алексеевны Морозовой о встрече с министром внутренних дел И. Н. Дурново по поводу участия общественности в помощи крестьянам голодающих губерний. Министр отказал Морозовой, заявив категорически, что собирать и распоряжаться пожертвованиями могут только епархиальные начальники и Красный Крест.

Предположительно, я так думаю, рассказ “Жена” Чехов написал не без влияния, разумеется косвенного, Варвары Алексеевны Морозовой. В то время, как в высших сферах власти выясняли кому можно – кому нельзя помогать голодающим, Морозова на деле осуществляла эту помощь – в голодающих губерниях занята была устройством бесплатных школьных столовых. Так же поступает героиня рассказа “Жена” – не рассуждает, а помогает.

Вопрос о том кто и как имеет или не имеет право помогать, как дело обстоит на местах, задел Чехова за живое. Он много думает на тему возникшей в обществе острой дискуссии.

Его размышления, нравственная позиция, оценка реальной расстановки сил в противоречивом отношении общества к голоду отразились в повести «Жена». Название повести заключает в себе зерно полемики. На взгляд писателя Чехова: в таком деле, как помощь голодающим, женщина выходит на первый план, потому что только отзывчивость женского сердца обеспечит неотложность помощи. В рассказе «Жена» это мнение получает образное,

художественное толкование. Несомненно, пламенный поклонник литературного дарования Чехова Суворин принимает к сердцу точку зрения Антона Павловича.

В поездке Чехова и Суворина в Воронежскую губернию в феврале 1892 года с большой наглядностью открылась справедливость этой гуманной позиции. Они оба убедились, насколько эффективна работа помощи попавшим в беду крестьянам губернского дамского комитета Красного Креста, возглавляемого Евгенией Михайловной Куровской – женой воронежского губернатора. Суворин по возвращении в Петербург напишет в одном из своих знаменитых, популярных «Маленьких писем»:

«Женщины много делают в настоящее время и мне даже кажется, что они способнее мужчин помогать нужде и понять нужду. Они не задаются подобно мужчинам, разными политическими соображениями, не умствуют лукаво, не откладывают дела потому, что, мол, надо собрать точные справки. Тот «короткий ум», который приписывается женщинам, есть быстрый ум, прекрасно видящий вблизи, наблюдательный, горячий, деятельный. На помощь ему идет отзывчивое сердце. Там, где мужчина будет соображать препятствия и затруднения, где он будет медлить и отыскивать более справедливое и глубокое, по его мнению, решение вопроса, там женщина прямо берется за дело и исполняет его». Суворин, как видно из этого пассажа, движется в фарватере чеховского мироощущения, что делает ему честь.

В разгар кампании помощи голодающим Чехов в письме к брату Александру признается: «Те отличные отношения, какие у меня существуют с Сувориным, могли бы существовать и помимо моего сотрудничества в его газете».

Насколько согласно они мыслили и чувствовали, можно понять из сопоставления рассказа «Жена» с только что приведенным фрагментом суворинского «Маленького письма». Фабула рассказа Чехова состоит в том, что расчетливости, пунктуальному следованию букве закона при попытках оказать помощь голодающим со стороны мужа, состоятельного, многоопытного инженера Павла Андреевича, жена, Наталья Гавриловна, противопоставляет ответственность женского ума, отзывчивость сердца.

Рассказ «Жена», безусловно, итог наблюдений и размышлений, плод чеховской ранней мудрости. Он в этом большом по объему рассказе, фактически повести, развернуто, обстоятельно, демонстрируя прекрасное знание российской действительности, показывает, как действовала в охваченном голодом уезде даровитая сердобольная русская женщина.

* * *

Знания о голоде у Антона Павловича в тот момент были заемные, почерпнутые из книг, журналов, газет. Повесть писалась трудно. Он признается Суворину насколько тяжело ему: «От утра до вечера я неприятно раздражен, чувствую, как будто кто по душе водит тупым ножом, а внешним образом это раздражение выражается тем, что я спешу пораньше ложиться спать и избегаю разговоров. Всё у меня не удается, глупо валится из рук. Начал я рассказ для «Сборника», написал половину и бросил».

Ему недостает жизненных впечатлений, конкретного знания предмета. Вспомнив, что некогда, в бабкинские годы выступавший в качестве претендента на руку и сердце сестры Маши поручик Евграф Петрович Егоров из артиллерийской бригады полковника Маевского, ныне где-то в Нижегородской губернии служит земским начальником и, наверное, под его патронажем находятся те самые голодающие деревни, которые так тревожат его совесть, Антон Павлович находит приблизительный адрес Егорова и обращается к нему с просьбой о встрече.

«5 октября, 1891 г.

Уважаемый Евграф Петрович!

Мне очень нужно Вас видеть. Если это письмо, которое я посылаю наудачу, Вы получите раньше 12 октября и если Вы продолжаете еще быть земским начальником, то не откажите телеграфировать мне возможно скорее, в какой день и в каком месте Нижегородской губернии я могу застать Вас.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

12 октября я буду в Нижнем и в тот же день, если найду Ваш адрес, выеду к Вам».

Крестьянский двор в голодающей Нижегородской крестьянской губернии. Документальная фотография. Осень 1891 года.

Зримый образ голода в России. Уже съедена солома крыши дворов и сараев. Лошадки замерли в мертвенном покое...

Тогда, в начале октября, в Нижний Новгород он не поехал, как он написал Суворину, «по причинам, не зависящим от моей воли». В том послании А. С. Суворину причина объявлена: «Если увидите брата, то сообщите ему, что тетка умирает от чахотки. Дни сочтены. Славная была женщина. Святая». Племянник-врач не мог покинуть дом. Федосья Яковлевна Долженко – сестра его матери Евгении Яковлевны Чеховой доживала свой век в их семье.

«Если хотите ехать в голодные губернии, то давайте поедем вместе в январе. Тогда видней будет», – заканчивал он разговор с Сувориным.

И они вдвоем совершили в первых числах февраля 1892 года поездку в голодающую Воронежскую губернию.

Где горит, где голод, где горе людское, туда устремляется совестливый Антон Павлович. Дальние (вспомним поездку на каторжный «остров Сахалин») для него – близкие, и о тех, кто рядом, поблизости от него, печется он, как о родных.

Установив почтовую связь с Е. П. Егоровым, Чехов ведет дело благотворительной помощи по переписке. Реальное положение дел ему рисует Евграф Петрович, в которого он поверил, почувствовав родственную душу человека, сострадающего попавшим в беду крестьянам.

Крестьянский сход. Раздача помощи и субсидий. Нижегородская губерния, 1891 год.

Егоров писал ему: «А как нам людям, стоящим лицом к лицу с грозным настоящим положением, надоела вся эта масса вздорной болтовни о голоде». В газетах царила разногласица, либеральная болтовня. «В большинстве корреспонденций полное отсутствие серьезности и большая доля сознательной и шальной недобросовестности. Выдергивание отдельных фактов и сообщения их в том или ином направлении. Один кричит – голода нет, другой – мужик пухнет; мужик пьянствует – мужику не до водки, мужик отказывается от предлагаемых ему работ, а тянет руку к казенному пайку, и ответ на это: мужик всегда, не разгибаячи спину, кормил государство, а следовательно он не может лениться... Все это они выкрикивают без знания дела».

Чехов после разговора с В. А. Морозовой, посвятившей его в свою масштабную, благотворительную акцию – устройство в сельской местности бесплатных школьных столовых – просит Евграфа Петровича написать насчет школьников и их кормления. В ответном письме Егоров сообщает: «Столовые для школьников мною открыты с декабря, средства пока я имею; если бы можно их увеличить значительно, то можно попробовать расширить их до народных столовых, это было бы святое дело».

Положение Чехова в октябре-ноябре девяносто первого года, что называется «хуже губернаторского». К имевшим место семейным бедам прибавилось то, что он надолго занедужил. Вести от Егорова в эти дни были для него чем-то вроде бальзама для души и сердца.

Все, что делает Егоров, приводит страждущего писателя в восхищение: «В Нижегородской губернии делается уже по мере сил то, что нужно. Еду туда в январе, а теперь изображаю из себя благотворительную даму, которая всем уже надоела. Сегодня на поле битвы послал 116 рублей. Вообще дела идут неплохо. Работает на месте очень хороший человек, и ничто ему не мешает, так как он земский начальник. Работает он в одном из самых глухих участков, где нет ни помещиков, ни докторов. Теперь занимаемся покупкою лошадей, кото-

рых крестьяне продают за гроши. Лошадей кормим, а весной возвратим их хозяевам... Адрес поля сражения такой: станция Богоявленное Нижегородской губернии, земскому начальнику Евграфу Петровичу Егорову».

Можно без преувеличения сказать, что вся злосчастная российская жизнь – поле сражения писателя Чехова. Он сочувствует всем, буквально всем попавшим в беду.

Таковы его рассказы и повести, также он отзывчив, заботлив, милосерден к окружающим его людям, к их болям, несчастьям, неустройству.

* * *

По свету бродит неприятный, не находящий работы по профессии музыкант Марианн Семашко, неразлучный, по слову Чехова, со своей «женой»-виолончелью. В доме Линтваревых на Луке, летом 1888 года Марианн Семашко улаживал слух Чеховых и хозяев имения басовитыми бархатистыми кантиленами, извлекаемыми из таинственного нутра божественного инструмента. Робкий, потерянный Семашко осенью 1891-го несколько раз появлялся в доме Фирганга на Малой Дмитровке с просьбой устроить его на работу в симфоническом оркестре в столицах или в провинции, в Харькове, например.

«Отчего так болит голова? От дурной погоды, что ли?» – сетует на своё недомогание Антон Павлович. Как тянущая печальную ноту виолончель жужжит расхаживающий по кабинету Марианн Семашко. Надо его устроить! Как?

В номерах «Славянского базара» позавчера от семи вечера до полуночи Антон никак не мог расстаться с Сувориным – обсуждали непотребства начальства.

– Какое великолепное вышло у вас «Маленькое письмо». Горячо и красиво написано, и мысли все до одной верные. Говорить теперь о лености, пьянстве крестьян и тому подобном так же странно и нетактично, как учить человека уму-разуму в то время, когда его рвет или он в тифе.

– Поистине не ведал, что говорил моему корреспонденту нижегородский губернатор Николай Михайлович Баранов, генерал-лейтенант, кстати сказать. «Крестьяне не идут на работу, крестьяне балуются. Раздача хлеба под круговую поруку мира приносит нравственный вред, который хуже самой голодовки». Нечего сказать, заговаривается от упоения властью генерал-губернатор. Пардон, губернатор генерал.

– Сытость, как и всякая сила, всегда содержит в себе некоторую долю наглости, и эта доля выражается прежде всего в том, что сытый учит голодного. Если во время серьезного горя бывает противно утешение, то как должна действовать мораль и какую глупую, оскорбительную должна казаться эта мораль. Суворин разворачивает «Новое время», вглядывается, сдвинув на нос очки, в газетные полосы.

– Всяк крестится, не всяк молится. Тож Баранов, креста на нем нет. Ишь, рисует как: «Смело и жадно бросаются мужики на ссуду, довольны тем, что им раздают хлеб и в ус себе не дуют, что на них лежит недоимка в 15 р. К осени вырастет до сорока». Бесстыжий! Догадался бы оставить вопрос недоимок на урожайные годы...

– По-ихнему, на ком 15 рублей недоимки, тот уж и пустельга, тому и пить нельзя, а вот помирять с голода можно. Сосчитали бы они сколько недоимки на государстве, на министрах, сколько должны предводители дворянства и архиереи, взятые вместе. Что должна гвардия! Про то только портные знают.

Дуэт. За роялем Георгий Линтварев, выпускник Петербургской консерватории. Партию виолончели исполняет Марианн Семашко. Гостиная в доме Линтваревых. Имение "Лука". Лето 1888 года.

Посмеялись добродушно насчет портных, украшающих позументами мундиры кавалергардов, и разошлись за поздним временем. Однако привезенная Сувориным из Петербурга инфлуэнца прилипла к Антону Павловичу. Начались чих и слабость, преодолевая которую, он ходил в тоске из угла в угол, пока не сел за письменный стол с выхоженной решимостью.

«Многоуважаемый Петр Ильич!

У меня есть приятель, виолончелист, бывший ученик Московской консерватории, Марианн Семашко, великолепный человек. Я долго не решался беспокоить Вас, но сегодня решаюсь и прошу Вас великодушно простить меня. Мне жаль и досадно, что такой хороший работник, как Семашко, болтается без серьезного дела, да и просит он меня так жалобно, что нет сил устоять. Его хорошо знает Николай Дмитриевич Кашкин.

Я жив и здоров, пишу много, но печатаю мало. Скоро в «Новом времени» будет печататься моя длинная повесть «Дуэль», но Вы не читайте ее в газете. Я пришлю книжку, которая выйдет в начале декабря. «Сахалин» еще не готов.

Еще раз извиняюсь за беспокойство.

Искренно Вас уважающий и безгранично преданный... А. Чехов.»

“Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич, – до такой степени обожаю его... Я давно уже таил в себе дерзкую мечту посвятить ему что-нибудь. Это посвящение, думал я, стало бы частичным, минимальным выражением той громадной критики, которую я, писака, составил о его великом таланте,” – писал Чехов брату Чайковского Модесту Ильичу. Также восторженно отзывался о прозе Чехова Чайковский.

Семашко был достаточно известен в музыкальных кругах. Он участвовал в концертах выпускников Московской консерватории, в том числе с С. В. Рахманиновым, А. Н. Скрябиным. По приглашению прославленного русского пианиста А. И. Зилоти Марианн Семашко выступал в его сольном концерте. Он был известен Чайковскому. Об этом можно судить по письму пианиста и дирижера, директора консерватории Василия Ильича Сафонова, который, сообщая о смерти профессора по классу виолончели В. Ф. Фитценгагена, писал: «С учеником его Семашко, я прошел сам для выпускного концерта 20 января концерт де Сверта. Семашко очень понравился в этот раз». Чайковский на обращение Антона Павловича ответил дружески, обещая принять в Семашко «сердечное участие». Он писал Чехову: «Из всего,

что мне про него сказали и что я сам о нем помню, вывожу заключение, что г. Семашко может быть, благодаря своей хорошей технике, старательности и любви к делу, хорошим оркестровым музыкантом. Но, по совершенно непонятной причине, на предложение поступить в оркестр императорских театров – отвечал отказом». Прочитав эти строки, Антон Павлович остановился, как громом пораженный: «Что Семашко делает со мною?» Далее Петр Ильич сообщал: «Сегодня Семашко будет у меня и вопрос этот разъяснится». Так оно и вышло. По рекомендации Чайковского Марианн Семашко стал артистом оркестра московского Большого театра.

* * *

После известия о том, что со стороны министра внутренних дел Дурново последовал запрет на частную инициативу по сбору пожертвований, после горячего разговора с Сувориным об интервью Баранова с грубыми наветами в сторону голодающих крестьян у Чехова сдвинулось с мертвой точки писание повести «Жена».

«Я пошел к жене. Она сидела на кушетке, подперев голову обеими руками, и задумчиво, неподвижно глядела на огонь.

– Я уезжаю завтра утром, – сказал я.

Она молчала. Я прошелся по комнате, вздохнул и сказал:

– Natalie, когда вы просили меня уехать, то сказали: прощу вам всё, всё, всё... Значит, вы считаете меня виноватым перед вами. Прошу вас, хладнокровно и в коротких выражениях формулируйте мою вину перед вами.

– Я утомлена. После как-нибудь... – сказала жена.

– Какая вина? – продолжал я. – Что я сделал?

– Уходите, пожалуйста. Вы хотите есть меня до утра, но предупреждаю, я совсем ослабела и отвечать вам не могу. Вы дали мне слово уехать, я очень вам благодарна, и больше ничего мне не нужно.

Жена хотела, чтобы я ушел, но мне не легко было сделать это. Я ослабел и боялся своих больших, неуютных, опостылевших комнат.

– Какая вина? – сказала после долгого молчания, глядя на меня красными, блестящими от слез глазами.

Вы прекрасно образованы и воспитаны, очень честны, справедливы, с правилами, но всё это выходит у вас так, что куда бы вы не вошли, вы всюду вносите какую-то духоту, гнет, что-то в высшей степени оскорбительное, унижительное.

У вас честный образ мыслей, и потому вы ненавидите весь мир. Вы ненавидите верующих, так как вера есть выражение неразвитости и невежества, и в то же время ненавидите и неверующих за то, что у них нет веры и идеалов; вы ненавидите стариков за отсталость и консерватизм, а молодых – за вольнодумство. Вам дороги интересы народа России, и потому вы ненавидите народ, так как в каждом подозреваете вора и грабителя. Вы всех ненавидите. Вы справедливы и всегда стоите на почве законности, и потому вы постоянно судитесь с мужиками и соседями. У вас украли 20 кулей ржи, и из любви к порядку вы пожаловались на мужиков губернатору и всему начальству, а на здешнее начальство пожаловались в Петербург. Почва законности! – сказала жена и засмеялась. – На основании закона и в интересах нравственности вы не даёте мне паспорта. Есть такая нравственность и такой закон, чтобы молодая, здоровая, самолюбивая женщина проводила свою жизнь в праздности, в тоске, в постоянном страхе и получала бы за это стол и квартиру от человека, которого она не любит. Вы превосходно знаете законы, очень честны и справедливы, уважаете брак и семейные основы, а из всего этого вышло то, что за всю жизнь вы не сделали ни единого доброго дела, все вас ненавидят, со всеми вы в ссоре и за эти семь лет, пока женаты, вы и семь месяцев не

прожили с женой. У вас жены не было, а у меня не было мужа. С таким человеком, как вы, жить невозможно, нет сил. В первые годы мне с вами было страшно, а теперь стыдно...»

Наталья Гавриловна со страстью отстаивает в нравственном поединке с мужем справедливость. Мерило правды, справедливости в рассказе – отношение двух конфликтующих сторон к делу помощи голодающим. То, что повествование ведется от лица мужа, Павла Андреевича, дает автору шанс держаться полной, безусловной объективности. Чехов исподволь ведет читателя к осознанию нравственной победы Натальи Гавриловны, женского начала в сочувствии и деятельной помощи пострадавшим от голода. Из Петербурга Суворин взывает:

– Голубчик Антон Павлович, обещали, а не едете!

– Ну-с, маршрут мой таков. Прежде всего, свалю с шеи рассказ для «Сборника». Он встал было и теперь пошел в гору. Рассказ большой, листа в два, из породы скучных и трудных в исполнении, без начала и без конца, свалю и шут с ним. Затем поеду в губернию генерала Баранова, после чего приеду к вам. А в Зарайск, куда вы зовете меня, не хочется.

Я не умею зимой смотреть именья. Что под снегом или окружено голыми деревьями, того я упорно и предубежденно не понимаю. (Автор не в силах удержаться, чтобы не связывать: мелиховское имение Чехов «приглядел» в феврале, когда оно утопало в снегу и «было окружено голыми деревьями».) Между тем,

ах, подруженьки, как скучно.
Круглый год жить взаперти
Из-за стен лишь любоваться
На широкие поля...

– Понимаю вас, Антон Павлович, еще как понимаю!

– Хорошо, что понимаете... Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с цейлонским мангустом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита – это не жизнь, а какой-то бардак и больше ничего.

– Полно вам, предстоит поездка в нижегородскую глушь, «Сборник» на полном ходу... Жена Павла Андреевича, судя по тому, что вы дали мне почитать, – интересная женщина, талант. Читал и видел выражение глаз Натальи Гавриловны, слышал ее трогающий душу голос, ощущал силу характера, восхищался ее чувством собственного достоинства, женской гордостью.

* * *

В начале октября у Чеховых в доме Фирганга несколько дней гостили Наталья Михайловна Линтварева и Александр Иванович Смагин, на которого у Антона Павловича была надежда, что полтавский помещик поспособствует московскому литератору в покупке хутора или имения, вблизи Сорочинцев, в гоголевских местах.

Наташа Линтварева входила в круг “антоновок”, обожательниц Антона Чехова. Шансов на взаимность у нее – ну никаких! Тем не менее, она его молчаливо, потаенно любила и в сердце ее не умирала надежда... А вдруг! Наталья Михайловна практически – хозяйка именина Лука, хотя и младшая в семье Линтваревых.

25 октября Чехов отправляет на Луку в Сумы Н. М. Линтваревой письмо, пессимистическое, ворчливое, но не лишенное видов на будущее. В нем, этом письме, масса важной информации.

«Уважаемая Наталья Михайловна, я не уехал в Нижний, как хотел, и сижу дома, пишу и читаю. Морозова была у министра, он категорически запретил частную инициативу и даже замахал на нее руками. Это как-то сразу повергло меня в апатию. А тут еще сплошное безденежье, чихание, масса работы, болезнь тетки, которая сегодня умерла. Неопределенность, неизвестность – одним словом, все собралось в кучу... Отъезд свой я отложил до 1 декабря.

В декабре совсем переберусь куда-нибудь в провинцию и буду жить по-дачному. Поеду в Нижний, а оттуда куда глаза глядят».

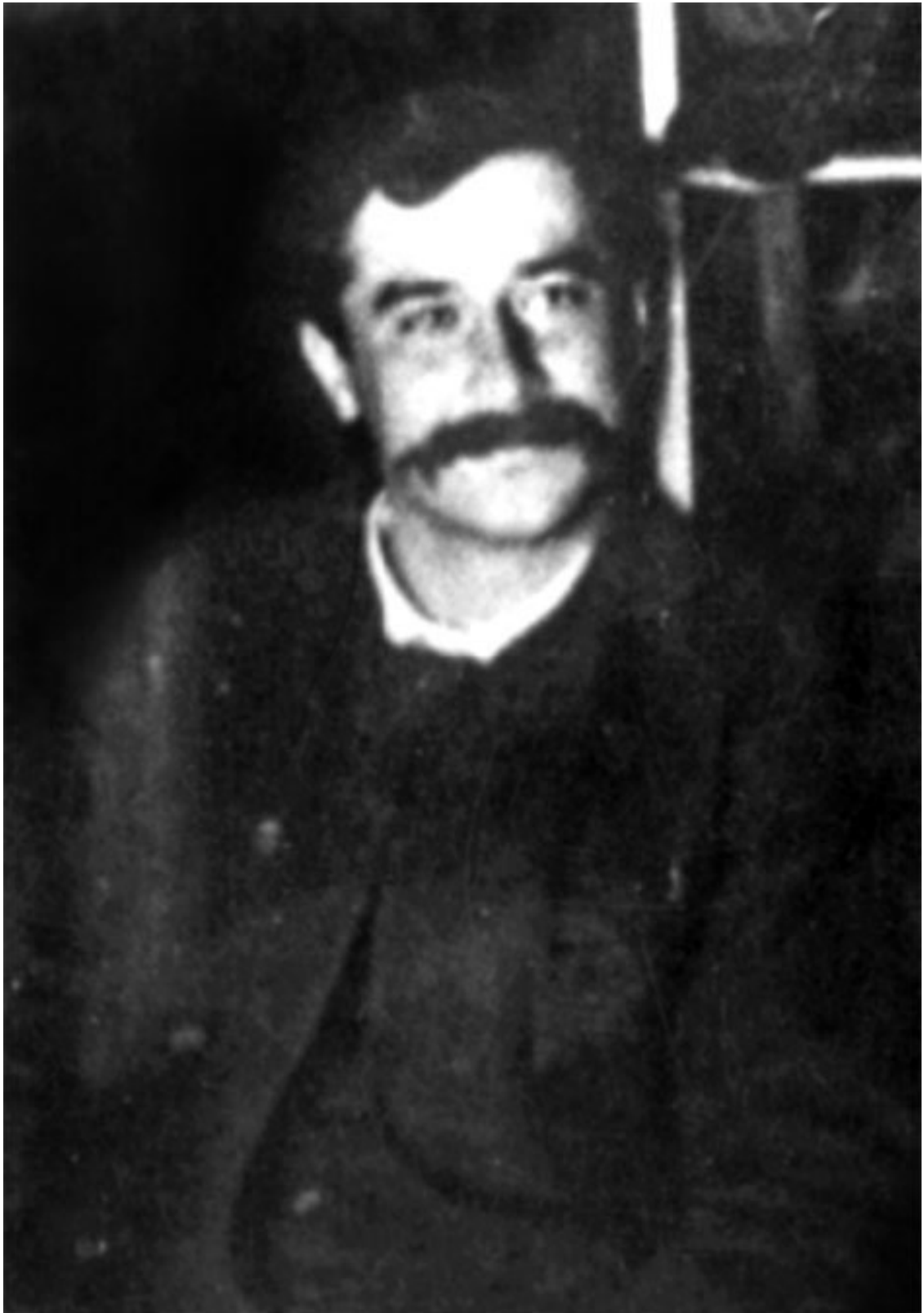

Имение Лука, в котором в 1888–1889 годах Чеховы жили в летние месяцы.

“Живу я в усадьбе близ Сум, на высоком берегу реки Псла. Река широкая и глубокая... Вокруг в белых хатах живут хохлы. Народ все сытый, веселый, разговорчивый, остроумный... Помещики-хозяева, у которых я обитаю, люди хорошие, – писал Н. А. Лейкину Чехов.

Последняя строка выдает мрачное настроение Антона Павловича в разгар тяжелой осени 1891 года.

«Без Вас долго было скучно, а когда уехал персидский шах (Александр Иванович Смагин, облик которого сильно напоминал персидский тип лица, особенно толкали к этой ассоциации большие темные усы), стало еще скучнее. Я приказал никого не принимать и сижу в своей комнате, как бугай в камышах – никого не вижу и меня никто не видит».

Друг и дальняя родня Линтваревых помещик Александр Иванович Смагин. Оказавшись на Луке, Чеховы непременно совершали вояж к Смагиным. Полагаясь на Александра Ивановича, Чехов всю осень девяносто первого года жил надеждой и ожиданием, что на полтавщине ему будет подыскано для покупки подходящее имение. Увы, Смагин с задачей этой не справился.

– Когда же наконец Вы купите мне имение? Я чахну в Москве, – огорченный, раздраженный восклицает Антон Павлович.

Чеховский бугай это вовсе не бык-производитель, пугающий своим ревом, а водоплавающая птица, издающая громкие протяжные гулкие стоны. Летом 1889 года в пойме Псла вблизи имения Линтваревых этот невидимый бугай (таково местное название таинственной птицы, производящей эффект громоподобного соловья) поразил воображение писателя. «Бугай кричит», – отмечает Антон Павлович в перечне сумских впечатлений весны 89-го года. За то, что бугай малороссийская птица, и не что иное, говорит строка из письма А. С. Суворину: «Соловьи, бугаи, кукушки и прочие пернатые твари кричат без умолку день и ночь...» Чехов всем сердцем привязался к красотам Псла, к этому Эдему, где намерен в скором времени поселиться. А пока он непрерывно кашляет, потеет, сильно нервничает... и, преодолевая слабость пишет.

* * *

Как-то, в эту пору брат Миша подал ему надушенную визитную карточку и записочку: «Прошу принять... По делу. Е. Ш».

– Елена Шаврова? По делу? Увы! Миша, передай, что принять не могу – болен. Будь вежлив при этом.

Неведомо как с ней говорил Михаил Павлович, но ее огорчение было столь велико, что тут же она начертала исполненную горькой обиды записку и в слезах уехала. Наутро нарочный доставил ей послание Антона Павловича.

«Уважаемая Елена Михайловна, я принимаю всех начинающих, продолжающих и кончающих авторов – это мое правило, а Ваш визит я почтил за великую честь для себя. Даже если бы не так, если бы я почему-либо не желал Вашего посещения, то и тогда бы я все-таки принял Вас, так как пользовался у Вашей семьи самым широким гостеприимством. Я Вас не принял и тотчас попросил брата объяснить Вам причины.

Принять Вас было физически невозможно, и это должен был объяснить вам брат, и Вы обязаны были как порядочный и доброжелательный человек понять это, но Вы обиделись. Ну и бог с Вами.

Из Ваших рассказов я сохраняю следующие: 1) «Мертвые люди», 2) «В цирке», 3) «In vino» 4) «Каштанка», 5) «Михаил Иванович», 6) «Нервы», 7) «Маленькая барышня», 8) «Без маски», 9) «Ошибка».

Но неужели до сих пор Вы написали только 15 рассказов? Этак к 50 годам не научитесь писать.

Напишите еще 20 рассказов и пришлите. Я все прочту с удовольствием, а для Вас эскерции необходимы. Преданный А. Чехов».

Антон Павлович по отношению к своей литературной ученице в меру строг, заботлив, слегка насмешлив. Юные годы Елены к этому подталкивают.

“Мои рассказы, – вспоминала Елена Михайловна, – он посылал в “Новое время” и другие газеты и журналы. Нередко сам читал корректуру и трогательно заботился обо мне и моих интересах. Если какой-нибудь уже набранный рассказ долго не появлялся в печати, Антон Павлович писал старику Суворину, напоминал ему, что “автор беспокоится”.

Добродушная ирония и наставнические устремления вполне понятны. Его подопечной нет еще и восемнадцати! Она им сильно увлечена – он ей симпатизирует. И только. Всё в рамках хорошего тона. Однако ее развитие – физическое, нравственное, духовное – опережает время. Это ему невдомёк.

* * *

Болезнь угнетает Чехова, но он как всегда деятелен – собирает и отправляет Евграфу Егорову пожертвования в пользу голодающих. В уединении читает и размышляет.

Итогами своих размышлений делится с конфиденнтом – Сувориным: «Каждую ночь просыпаюсь и читаю «Войну и мир». Читаешь с таким любопытством и с таким наивным удивлением, как будто раньше не читал. Замечательно хорошо. Только не люблю тех мест, где Наполеон. Как Наполеон, так сейчас и натяжки, и всякие фокусы, чтобы доказать, что он глупее, чем был на самом деле. Всё, что делает и говорит Пьер, князь Андрей или совершенно ничтожный Николай Ростов – всё это хорошо, умно, естественно и трогательно; всё же, что думает и делает Наполеон – это не естественно, не умно, надуту и ничтожно по значению. Когда я буду жить в провинции (о чем я мечтаю теперь день и ночь), то буду медициной заниматься и романы читать».

Лев Николаевич однажды побывал в губернской психиатрической больнице доктора Яковенко в селе Межерском Сцена, запечатленная на этой фотографии весьма характерна: ее по справедливости следует назвать “Хождение графа Толстого в народ”.

Следующее наблюдение за течением времени в прямой связи с прогрессом науки и техники заставляет еще больше полюбить Чехова, восхититься его способностью видеть существо прогресса, ценить прогресс должным образом.

«Если б я был около князя Андрея, то я бы его вылечил. Странно читать, что рана князя, богатого человека, проводившего дни и ночи с доктором, пользовавшегося уходом Наташи и Сони, издавала трупный запах. Какая паршивая тогда была медицина! Толстой, пока писал свой толстый роман, невольно должен был пропитаться насквозь ненавистью к медицине». И это предположение, представьте себе, очень скоро проявится в реальной жизни. При этом Чехов все так же будет апологетом большого прогресса медицины в девятнадцатом веке, а Лев Николаевич проявит ту самую ненависть к медицине, о которой писал, читая осенью девяносто первого, «Войну и мир» Чехов.

Антон Павлович замечает в одном из писем того времени, когда он «ловил холеру за хвост», что Толстой по-прежнему именует нас, врачей, «мерзавцами», а между тем, по словам Чехова «врачи и вообще культурные люди делают чудеса... в доброе старое время, когда заболевали и умирали тысячами, не могли и мечтать о тех поразительных победах, какие совершаются у нас на глазах... запятая начинает терять свою силу». «Запятая» – холерный эмбрион. Для Чехова забота о близких и дальних всегда на первом плане. О себе он думает в последнюю очередь.

Два чеховских письма – от 7 и 9 ноября. Как они красноречивы!

А. И. Смагину. 7 XII. 91

«У меня кашель, насморк, голова болит, ломит спину; принял касторки и сижу теперь в «Славянском базаре» у Суворина, у которого инфлуэнца... Я заразился от него».

Будучи больным, он отправляется лечить приехавшего в Москву Суворина – долг дружбы, дело чести для врача, давшего клятву Гиппократу.

А. И. Урусову. 9 XII. 91

«Уважаемый Александр Иванович, я не забыл об обещании, а я очень болен. У меня жар, озноб, слабость, всего разломало – и в тот четверг, когда мне следовало быть у Вас, я лежал у себя в спальне... Я только что вернулся от Суворина, к которому ездил затем, чтобы лечить его... Я забыл правило: «врачу, излечися сам». И меня назад привезли в карете, и начинает голова болеть. Я всё боюсь, как бы инфлуэнствующий Суворин не заболел воспалением легких». Между тем болезнь легких у самого Чехова развивается крещендо.

15 ноября он отмечает: «Я сильно кашляю и совершенно отупел, так что не умею писать даже писем». 18-го того же месяца: «Я продолжаю тупеть, дуреть, равнодушеть, чихнуть и кашлять и уже начинаю подумывать, что мое здоровье не вернется к прежнему своему состоянию. Впрочем, все от бога. Лечение и заботы о своем физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению. Лечиться я не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя не позволю».

Итак, он подозревает туберкулезный процесс, но профессионального медицинского заключения допустить не желает. Этой позиции будет придерживаться еще весьма долго.

По-прежнему заботится о здоровье Суворина, рекомендует ему то, что, кажется, хотя бы понемногу начинает помогать ему. А что с ним самим?

«Целый месяц мотала меня лютая инфлуэнца. Ударила сначала в голову и в ноги, так что я слег в постель, а потом ударила в легкие, так что я кашлял неистово и стал худ, как копченая стерлядь. Просто беда! Решено: вон из Москвы! Даю Маше полномочия. Пусть купит какую-нибудь конуру на лоне природы. А. И. Смагин уже сватает какой-то хутор».

* * *

Боже, какие упования возлагал он на Александра Ивановича Смагина!

Еще 21 ноября он получил от него пакет и письмо насчет имений. Без промедления послал ответ. Семья (важнее того он сам!) согласна на вариант № 3 – имение в Малых Сорочинцах на Псле. Цена подходящая – всего 5 тысяч рублей. В душе пожар – его сдает вовсе

не праздное любопытство. «Ах, как бы Вы обязали меня, – пишет он Смагину – если бы прислали нам хотя какое-нибудь подобие плана усадьбы. Берег, луг, сад, отношение сада к берегу и берега к дому и проч. Наш ли берег? Если наш, то это было бы удивительно!»

Принято решение: в Малые Сорочинцы командировать Марию Павловну для осмотра имения. «Мария Павловна у нас главная», – замечает глава семьи, Антон Павлович.

Намерения самые решительные: «Мы привезем с собой целую библиотеку, музыкальный инструмент, мангуса, кашель, волчий аппетит к хохляцкой колбасе...» Насколько всё серьезно, как ему необходима такая перемена места и образа жизни! «Ну-с, Маша выезжает, сопровождаемая моим благословением... У меня ужасно широкие планы!!!» Он убежден, что там и здоровье поправится, а в противном случае, «если покупка хутора почему-либо не удастся, то я по отношению к своему здоровью разыграю большого злодея. Мне кажется, что я разохся, как старый шкаф, и что если в будущий сезон я буду жить в Москве и предаваться бумагомарательным излишествам, то Гиляровский прочтет прекрасное произведение, приветствуя вхождение мое в тот хутор, где тебе ни посидеть, ни встать, ни чихнуть, а только лежи и больше ничего. Уехать из Москвы мне необходимо».

Антон Павлович весь в хлопотах по покупке имения. Он сообщает поэту, редактору «Северного вестника» А. Н. Плещееву, гостившему некогда у Линтваревых на Луке: «Завтра еду в Петербург хлопотать насчет хутора: 1) возьму денег в книжном магазине Суворина и 2) у симпатичного нотариуса Иванова сочиню доверенность на имя А. И. Смагина, которого Вы знаете».

Мечты, мечты, где ваша сладость?

В канун нового 1892 года, от Маши из Миргородского уезда пришли две телеграммы, довольно неопределенные и неутешительные. Имение, которое со слов Смагина, так прельстило Антона Павловича, оказалось вот чем: местоположение красивое, сад хороший, но дом стар, тесен, требует большого ремонта, до ближайшей железнодорожной станции сорок верст. Маша, увидев все это, отказалась от покупки. Во второй телеграмме сестра сообщала, что ей приглянулся хутор Яценко – 56 десятин, чудный сад, река.

И вот печальный финал готовящейся сделки.

«А. И. Смагину. 4 января 1892 г. Петербург.

Я заказал нотариусу Иванову доверенность, и, вернувшись домой, нашел от сестры письмо такого содержания: хутор Яценко не продается... А я мечтал уже послать Вам во вторник доверенность и 5 тысяч. Как это печально! Ах, если б Вы знали, как неприятно это разочарование! Ну, куда я денусь летом? Что делать? Где искать? Не везет мне...»

* * *

В о время затянувшегося сидения в четырех стенах в октябре-ноябре девяносто первого года Чехов, помимо писательских забот, хлопот по приобретению имения, постоянно был занят сбором и отправкой благотворительных средств в помощь голодающим Нижегородской губернии. Посылая собранные рубли и гривенники, он вовсе не палил в белый свет, как в копейку: адресовал эту помощь в Нижегородский уезд, 5 участок земскому начальнику Е. П. Егорову, с которым наладил регулярную переписку. Она носила исключительно деловой, вполне конкретный характер.

«11 дек.

Уважаемый Евграф Петрович,

Я собирался ехать к Вам (и не оставляю этого намерения) не с корреспондентскими целями, а по поручению небольшого кружка людей, желающих сделать что-нибудь для голодающих. Дело в том, что публика не верит администрации и потому воздерживается от

пожертвований. Ходит тысяча фантастических сказок и басен о растратах, наглых воровствах.

Я с полным сочувствием отношусь к частной инициативе, ибо каждый волен делать добро так, как ему хочется. При некотором хладнокровии и добродушии можно обойти всё страшное и щекотливое и для этого нет необходимости ездить к министру. Я поехал на Сахалин, не имея с собой ни одного рекомендательного письма, и однако же сделал там всё, что мне нужно, отчего же я не могу поехать в голодающие губернии. Вспоминал я также про таких администраторов, как вы. И все мои знакомые земские начальники и податные инспектора – люди в высшей степени порядочные и заслуживающие самого широкого доверия. И я решил, хотя на небольшом районе, если можно, сочетать два начала: администрацию и частную инициативу. Мне хотелось поскорее съездить к Вам посоветоваться. Мне публика верит, поверила бы она и Вам, и я мог рассчитывать на успех. Помните, я послал Вам письмо. Тогда в Москву приехал Суворин, я пожаловался ему, что не знаю Вашего адреса. Он телеграфировал Баранову, а Баранов был так любезен, что прислал Ваш адрес. Суворин был болен инфлуэнцей; обыкновенно, когда он приезжает в Москву, мы целые дни проводим неразлучно и толкуем о литературе, которую он знает превосходно. И на сей раз толковали, и кончилось тем, что я от него заразился инфлуэнцей.

Ваше письмо и Ваша затея насчет покупки скота у крестьян сдвинули меня с места. Я всей душой и всеми моими силами готов слушаться Вас и делать всё, что Вы хотите. Я долго думал, и вот Вам мое мнение. На богатых людей рассчитывать нельзя. Поздно. Каждый богач уже отвалил те тысячи, которые ему суждено было отвалить. Вся сила теперь в среднем человеке, жертвующем полтинники и рубли. Те, которым в сентябре толковали о частной инициативе, нашли себе приют при разного рода комиссиях и комитетах и уже работают. Значит, остается средний человек. Давайте объявим подписку. Вы напишите письмо в редакцию, и я напечатаю его в «Русских ведомостях» и в «Новом времени». Чтобы сочетать два вышеописанных начала, мы можем оба подписаться под письмом. Напишите, в Нижегородском уезде в 5 участке организовано то-то и то-то, что дела идут, слава богу, успешно и что пожертвования просят присылать земскому начальнику Е. П. Егорову, живущему там-то, или же А. П. Чехову, или в редакции таких-то газет. Надо только подлиннее написать. Напишите подробнее, а я прибавлю свое что-нибудь – и дело в шляпе.

Если будут рубли и полтинники, то я буду высылать их Вам без всякой задержки. А Вы распоряжайтесь мной и верьте, что для меня было бы истинным счастьем хотя что-нибудь сделать, так как до сих пор для голодающих и для тех, кто помогает им, я ровно ничего не сделал».

14 декабря, три дня спустя, Антон Павлович сообщил Егорову, что посылает собранные им 116 рублей. Пишет: «Продолжение будет. Список жертвователей я пришлю в следующий раз».

Невозможно без умиления, без слез читать продолжение этого делового письма.

«Собираю я втихомолку, без какого-либо шума, и думаю теперь, что письмо в редакцию, следует поместить в газете не раньше января. Я полагаю, что в январе у Вас уже прочно будет стоять лошадиное дело, картина будет ясна, а следовательно и для жертвователей всё будет ясно; в январе я приеду к Вам непременно».

«Сегодня, 14 января, я уезжаю в Нижний, – извещает Чехов. – 22 гр. мороза. Придется ехать на почтовых по Казанскому тракту. Везу с собой немного денег». Хочется прицепиться к последней фразе. В письмах из Москвы в адрес земского начальника Е. П. Егорова довольно часто встречаются вот такие расчеты и отчеты: «По подписному листу № 28 Вы, добрейший Евграф Петрович, получили уже с меня 25 руб.; теперь по тому же листу посылаю еще 60 р. и 22 рубля собраны одним моим приятелем. Список пожертвований прилагаю;

так как они не вошли ни в один из подписных листов, то благоволите прислать расписочки. 41 к. осталась у меня до следующего транспорта».

Известно, копейка рубль бережет. Это так у скопидомов. Но отнюдь не копеечными делами был занят Чехов в метельном морозном январе 1892 года. Гривенники, двугривенные, полтинники, рублевики складывались в небольшие круглые суммы, помогавшие вырвать из лап голодной смерти крестьянских детей, их матерей и отцов.

Кого спасал Чехов? Русский народ. А каков этот народ? К примеру, хотя бы нижегородский мужик? Антон Павлович пишет широкими мазками его портрет. Тут и отношение, и понимание, и чувство родного.

«А какой прекрасный народ в Нижегородской губернии. Мужики ядреные, коренники, молодец в молодца – с каждого можно купца Калашникова писать. И умный народ».

Дети начальных классов земской школы с учительницей. Эпоха Чехова. 90-е годы XIX столетия.

«По подписному листу N28, – сообщает Антон Павлович Егорову, – имеете получить 25 р. – пожертвованные «Русской мыслью». Расписки не нужно». Такова воля Вукола Лаврова и Виктора Гольцева – издателей либерального журнала. Рубль пожертвовала Евдокия Исааковна Коновицер – Дуня Эфрос. Так отозвалась на старания Чехова в пользу народа его бывшая возлюбленная, невеста. Женой, супругой она не стала. В сознании Чехова пронеслось: «Вот и Евграф Петрович мог стать близкой родней – просил руки сестры Маши поручик Егоров, офицер стоявшей в Воскресенске артиллерийской бригады полковника Маевского». Об этой странице в истории их отношений они вспоминали за чаем в доме земского начальника, когда к нему в деревню Белая добрался едва живой Чехов. В письме Наталье Михайловне Линтваревой он рассказывал вполне доверительно: «Мороз лютый, ревет метель. Вчера поздно вечером меня едва не занесло в поле, сбились с дороги. Напугался – страсть!» Спустя неделю, уже из Москвы, он делится с Егоровым: «Можете себе предста-

вить, я приехал домой совсем больным. Жестокая боль в обеих лопатках, между лопатками и мышцах груди. Должно быть, простудился тогда. Не могу ни сидеть, согнувшись, ни писать, ни надевать сапоги. Просто беда!»

Далее в письме то, что надо подразумевать, когда пишут или произносят «милый Антон Павлович». Он подарил дочке Евграфа Петровича Наташе «Каштанку» и дал обещание собрать для нее детскую библиотеку: «Библиотека для Наташи уже приобретается. Выходит весьма разнообразная и симпатичная библиотека. Вышлю ее, как Вы велели, почтой. Длинную ложку для Бори привезу весной».

Еще один курьёзный эпизод в духе Чехова, эпизод на ту же тему – пожертвования в пользу голодающих.

Вернувшись в Москву из деревни Белой от Егорова, Антон Павлович пишет в Петербург редактору «Севера» Тихонову, по поводу его, Владимира Алексеевича невольного благоденствия.

«Посылаю Вам расписку. Деньги сии сорвал я с Вас, в Малом Ярославце», когда обедали с Билибиным. Помните? Вы думали, что этот двугривенный я на извозчика потратил, а вышло так, что я его к голодающим свез. Вот Вы благодаря мне в царство небесное попадете и Вам простится то, что Вы 17 раз в день ходите в кабачок, что около редакции».

Владимир Алексеевич сразу же вспомнил, как было дело. В разгар дружеского застолья Антон Павлович обратился к разомлевшему в подпитии редактору «Севера»: «Дайте, голубчик, мне двадцать копеек». Не задумываясь, машинально Тихонов достал из кошелька двугривенный и протянул Чехову. Конечно, он тотчас забыл об этом, а когда извлек из конверта чеховского письма квитанцию Нижегородского комитета сборов в пользу голодающих, мгновенно покраснел. «Мне стало стыдно, – писал он годы спустя, – что я сам раньше не догадался послать что-нибудь в пользу голодающих земляков. Ну, конечно, я поправил ошибку и уже самостоятельно послал небольшую лепту на родную и бедствующую в эту пору Волгу».

Поздравляя 17 января 1892 года Антона Павловича с днем ангела, Тихонов расчувствовался: «Всем сердцем Ваш, именинник Вы души моей». Чехов тем же манером в подписи под благодарственной телеграммой отвечал ему: «Именинник Вашего сердца».

А. Чехов».

В Петербурге, слабо ощущалась народная беда. Закусывая нижегородской семгой шутовский коньяк, попробуй вообразить, как крестьяне в деревнях Поволжья лебедой и корой древесной спасаются от жестоких мук голода.

Чехов только что вернувшийся из поездки в Нижегородскую губернию, пишет Суворину: «Так как надеюсь, мы скоро увидимся и так как я о голоде буду писать завтра или послезавтра, то теперь скажу только кратко: голод газетами не преувеличен. Дела плохи. Правительство ведет себя недурно, помогает, как может, земство или не умеет или фальшивит, частная же благотворительность равна почти нулю. При мне почти на 20 тысяч человек было прислано из Петербурга 54 пуда сухарей. Благотворители хотят пятью хлебами пять тысяч насытить по-евангельски».

Боже, как похоже надень сегодняшний, на распределителей бесплатных лекарств для стариков. Те же 54 пуда сухарей!

30 января наметилось разрешение кризиса именуемого Чеховым: «Вон из Москвы». Чехов от младшего брата Михаила Павловича узнал, что он в одной из московских газет прочитал объявление о продаже имения «Мелихово». Последовало распоряжение Маше и Мише: побывать в Мелихове, осмотреть имение и в случае благоприятного впечатления начать хлопоты по оформлению покупки.

Смагин, проваливший украинскую кампанию, писал 25 января: «Представьте себе, что Яценко – сукин сын, кажется, продает свой хутор. Если только эта скотина решит продавать, то я без Вашего ведома дам ему задаток. Имейте это в виду».

Ответ был категоричен и, несмотря на внешнюю суровость, игрив: в душе Чехова проклюнулась весна:

«Задатка Яценко не давайте, потому что может случиться, что, пока будет продолжаться состояние вещей, определяемое Вами словом «кажется», мы можем купить где-нибудь хутор. Ах, как я зол на Яценку! Если бы моя власть, то отнял бы у него хутор, а самого бы женил на трех ведьмах».

* * *

Антон Павлович отнюдь не забывает о Леночке Шавровой, которая из-за его болезни, попала в положение без вины виноватой. По выздоровлении он встречает ее иногда в концертах и на театральных премьерах, помнит о некогда данных ей обещаниях. Год тому назад он намеревался познакомить Шаврову с Сувориным. Тогда сие не случилось, и вот благоприятный случай.

Антон Павлович 1 февраля 1892 года с нарочным шлет Шавровой, которая только что напомнила о себе бандеролью с рукописью нового рассказа, записку.

«Уважаемая Елена Михайловна, рукопись получил и прочел тотчас же с превеликим удовольствием.

В Москве теперь Суворин. Он хочет с Вами познакомиться. К Вам приехать ему нельзя, так как весь день он занят и не принадлежит себе, вечером же, после 8 часов, ехать неловко... и т. д. К тому же он издатель, а Вы сотрудница, и будет явным нарушением чинопочитания, если он поедет к Вам первый. Не найдете ли возможным сегодня около 9 часов вечера пожаловать к нему в «Славянский базар» № 35? Мы поговорили бы, поужинали... На сегодняшний вечер забудьте, что Вы барышня и что у Вас есть строгая татап: и будьте только писательницей. Право... Я болен, и потому буду скучен. Суворин же в отличнейшем настроении духа и расскажет Вам много интересного».

Вечером она взяла извозчика и поехала из тихого переулочка на Арбате в самый центр Москвы. В вестибюле «Славянского базара» её ожидал Антон Павлович. Увидев девушку, он улыбнулся, сказал ласково:

– Ну вот и хорошо, что вы пожаловали!

Предложив барышне руку, он повел ее по длинному коридору, устланному ковром. В гостиничных апартаментах из нескольких комнат, в обширной гостиной на полукруглом диване восседал высокий худой старик. Он поднялся навстречу им.

– Весьма, весьма польщен познакомиться, – сказал Алексей Сергеевич любезно, – рад, что пожаловали. Читал-с ваши рассказы... Но какая же вы еще юная! Прошу покорнейше садиться!

Вопреки тому, что обещал в письме Антон Павлович, Суворин был малоразговорчив. Зато Антон Павлович пребывал в самом милом, благодушном настроении. Говорил все время почти один он: рассказывал Суворину про московских литераторов, об их странностях, увлечениях, образе жизни.

Суворин внимательно слушал, сидя на диване и опираясь обеими руками на стоящую перед ним палку. Вдруг обратился к Шавровой.

– А ведь у меня лежит ваш рассказ «В цирке». Я рад и благодарен, что вы пожаловали и я могу побеседовать о нем... Идея мне нравится.

Кое-что в рассказе, на взгляд Суворина, следовало исправить, кое-что убрать, для чего «Маленькая барышня» должна бы совершить почтовое путешествие с рабочего стола

Антон Павловича на письменный стол Елены Михайловны. Между тем, как сообщил Чехов, он и Суворин завтра уезжают в Воронежскую губернию по делам, связанным с помощью голодающим.

Пунктуальность Антона Павловича проявилась в полной мере. 3 февраля уже из Воронежа он делает письменное поручение сестре Марии Павловне: «Пожалуйста, возьми у меня в кабинете с круглого стола, что в углу, рукопись Шавровой «Маленькая барышня», положи в конверт, прилепи 5-копеечную марку и пошли по адресу: «Афанасьевский пер., д. Лачиной, Елене Михайловне Шавровой». На рукописи сверху напиши сии слова: «Посылается по распоряжению А. П. Чехова». Вот и все...»

Исполнительная, послушная Шаврова посылает рукопись по следам Антона Павловича, который перемещается вместе с Сувориным из Воронежа в село Хреново, из Хренова в город Бобров. Почтовое отправление нашло адресата! Изумительно работала почта в России. В послании Елены Михайловны политес соблюден идеально и чувство собственного достоинства на высоте: доклад о работе над «Барышней», просьба дать задание на ближайшее, поклон Суворину и напоминание ему своего имени-отчества.

«Многоуважаемый Антон Павлович.

Посылаю Вам «Маленькую барышню» в исправленном и сокращенном виде. Не знаю, когда получите ее, так как я не имею Вашего адреса. Прошу Вас по получении известить меня, как найдете поправки. Пришлите, прошу Вас, «Михаила Ивановича», если он достоин того, чтобы им занимались. Передайте Алексею Сергеевичу Суворину мой поклон, а также и то, что меня зовут Еленой, а по батюшке Михайловной».

Вернувшись из поездки Чехов среди обилия дел по оформлению покупки Мелиховского имения, сбора пожертвований в пользу голодающих крестьян, издательских хлопот помнит о Шавровой и стремится расширить круг ее знакомств, имея в виду людей значительных, влиятельных.

«22 февраля 1892 г. Москва.

Уважаемая Елена Михайловна, вчера у меня был кн. А. И. Урусов, который состоит кем-то, кажется председателем в Музыкально-драматическом обществе. (Точного названия этого общества я не знаю.) Мы разговаривали о том, как в наше время трудно найти хороших исполнительниц хороших ролей. Надо ставить спектакль, а актрис нет, и проч. Я, глубоко убежденный в том, что Вы очень талантливая актриса, указал ему на Вас, и он, конечно, ухватился за это указание обеими руками и даже зубами. В самом деле, почему бы Вам не поступить в члены Общества? Оно, по слухам, очень интеллигентно и преследует интеллигентные цели. Другие условия мне неизвестны. Если Вы не против поступить в члены Общества, то ответьте мне или же кн. Александру Ивановичу Урусову. Арбат, Никольский пер., собст. д.

Делу о «Маленькой барышне» дан законный ход.

Желаю Вам всего хорошего. Не забывайте нас, грешных. Преданный А. Чехов.

Если членский взнос Вам не по вкусу, то его можно будет обойти.

Страстный поклонник драматургии Чехова (и прозы, само собой разумеется) князь Александр Иванович Урусов поддерживал деловые, дружеские отношения с Антоном Павловичем. Он был едва ли не единственным почитателем пьесы Чехова “Леший”, добивался ее постановки.

Урусов – это известный присяжный поверенный, очень интересный человек. Говорил он, что репетиции начнутся в посту». В ответ – милое девичье кокетство, смешанное с обычной для нее заботой о продвижении в печать старых и новых рассказов, откровения насчет ранее утаиваемых от Чехова артистических дел с законными сомнениями относительно реальности оперной карьеры.

«24 февраля 1892 г. Москва.

Спасибо Вам, уважаемый Антон Павлович, что вспомнили обо мне, – хотя Вы, преувеличенного мнения о моих способностях к сцене. Я вовсе не прочь поступить в Общество искусства и литературы, – но с тем только, конечно, чтобы быть там действительным чле-

ном. Хотела бы я также познакомиться с уставом общества и надеюсь, что Вы не откажете мне поскорее прислать его. Жизнь ужасно коротка, и надо спешить, а то ничего не успеешь сделать...»

Чехов формирует даровитую девушку на свой вкус. Идет шлифовка Шавровой-литератора. Он исподволь включает Елену Михайловну в общественную благотворительную деятельность. И делает это так деликатно, можно сказать, искусно, что она не сразу и сознает это свое новое общественное положение.

«3 марта 1892 г.

Ваш много и долго путешествующий рассказ «В цирке» я отправил вчера в «Иллюстрированную газету», издающуюся в Москве. Гонорар там маленький – 5 коп. строка. Но и того Вы не получите, ибо я имел дерзость распорядиться, чтобы гонорар был послан в Нижегородскую губернию к голодающим. Вы получите расписку.

В среду или в четверг я уезжаю из Москвы. Мой адрес для простых писем: ст. Лопасня Москов. – Курск. дор. А для заказных: г. Серпухов, село Мелихово. В Серпухов буду посылать только раз в неделю, а потому простые письма предпочитаются».

В ноябре девяносто первого в нетерпеливом ожидании писем от Смагина, рыскавшего по Полтавщине в поисках имения для Чехова, Антон Павлович изрек: «А я всё мечтаю и мечтаю. Мечтаю о том, как в марте переберусь на хутор». 5 марта он переехал из дома Фирганга на Малой Дмитровке в благоприобретенный свой дом в Мелихове, чему, само собой разумеется, предшествовали хлопоты и переживания.

Некомпетентность, нерасторопность полтавского помещика, наивная вера слову Смагина заставили в случае с покупкой имения «Мелихово» держать ситуацию в руках. Из Воронежской губернии 9 февраля следует наказ Марии Павловне: «Выеду я из Боброва во вторник, значит, в Москве буду в среду. Заложил ли шалый Сорохтин свое имение? Напиши ему, чтобы поторопился, иначе мы два месяца провозимся: не заложивши, нельзя совершать купчей крепости».

Далее следует повествование о пребывании на воронежской земле, из коего следует, что здесь все куда благополучнее, нежели в Нижегородском крае, что без Суворина с Чеховым справляются. Антон Павлович излагает воронежскую Одиссею со свойственной ему насмешливостью над самим собой.

«Дела наши с голодающими идут прекрасно: в Воронеже мы у губернатора обедали и каждый вечер в театре сидели, а вчера весь день провели в казенном Хреновском конском заводе у управляющего Иловайского; у Иловайского в зале застали мы плотников, делающих эстраду и кулисы, и любителей, репетирующих «Женитьбу» в пользу голодающих. Затем блины, разговоры, очаровательные улыбки. Затем чай, варенья, опять разговоры и, наконец, тройка с колоколами. Одним словом, с голодающими дела идут недурно... Утром мы бываем в духе, а вечером, говорим: за каким чертом мы поехали, ничего я тут не сделаю...»

* * *

Между тем, предстоящая покупка имения на время поглотила всё его существо.

«Мне снилось, что 200 р. данные в задаток Сорохтину пропали. Почему-то мне кажется, что иначе и быть не может. Стриженная голова нашего художника не обещает ничего хорошего...

Хорошо, если бы Миша был в Москве около 14–15 февраля, когда мы будем совершать купчую».

Конец февраля страдная нотариальная пора. Градус чеховского настроения повышается. Его письма этих дней как стихи влюбленного, готового под венец.

Он пишет в Петербург В. В. Билибину, остроумцу из «Осколков», доверенному лицу его жениховских упований и страданий в январе-марте 1886 года.

«Купчая уже написана и пошла к старшему нотариусу на утверждение. Через неделю буду уже знать, помещик я или нет. Я изменил хохлам и их песням. Волею судеб покупаю себе угол не в Малороссии, а в холодном Серпуховском уезде, в 70 верстах от Москвы. И покупаю, сударь, не 10–20 десятин, как хотел и мечтал, а 213. Хочу быть герцогом. Лесу 160 десятин. Дров-то, дров! Не хотите ли в подарочек сажень дров».

Другой приятель-петербуржец, редактор «Севера» Владимир Алексеевич Тихонов получил исполненную иронии справку о процессе оформления покупки имения и прощение «грехов»: «Вы напрасно думаете, что Вы пересолили на именинах Щеглова. Вы были выпивши, вот и всё. Вы плясали, когда все плясали, а Ваша джигитовка на извозничьих козлах не вызвала ничего, кроме всеобщего удовольствия. Что же касается критики Вашей, то, вероятно, она была очень не строга, так как я ее не помню. Помню только, что я и Введенский чему-то, слушая Вас, много и долго хохотали».

Вообразите эту молодецкую компанию – правда ведь: мало кому знакомы такие вот, пушкинского склада, проявления веселости характера Чехова. Впрочем, чему удивляться. Он и был таким. Пора хорошенько с ним познакомиться. Просто – Чехов! Не какой-то там непостижимый, загадочный гений.

«Вам нужна моя биография? – переспрашивает Антон Павлович Тихонова. – Вот она. Родился я в Таганроге в 1860 г. В 1879 г. кончил курс в Таганрогской гимназии. В 1884 г. кончил курс в Московском Университете по медицинскому факультету. В 1888 г. получил Пушкинскую премию. В 1890 г. совершил путешествия на Сахалин через Сибирь и обратно морем. В 1891 г. совершил турне по Европе, где пил прекрасное вино и ел устриц. В 1892 г. гулял на именинах с В. А. Тихоновым. Писать начал в 1879 г. в «Стрекозе». Сборники мои суть: «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Рассказы», «Хмурые люди» и повесть «Дуэль». Грешил и по драматической части, хотя и умеренно. Переведен на все языки, кроме иностранных. Впрочем, давно уже переведен немцами. Чехи и сербы также одобряют. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постиг я в 13 лет. С товарищами, как врачами, так равно и литераторами, пребываю в отличнейших отношениях. Холост. Желал бы получать пенсию. Медициной занимаюсь и даже настолько, что случается, летом произвожу судебно-медицинские вскрытия, коих не совершал уже года 2–3. Из писателей предпочитаю Толстого, а из врачей Захарьина. Однако всё это вздор. Пишите, что угодно. Если нет фактов, то замените их лирикой».

С таким житейским и творческим багажом оказался он на перевале – в совершенно незнакомом ему Мелихове.

Третье подряд письмо в Петербург. Отчет для А. С. Суворина, конфиденанта, друга, покровителя, в отношениях с которым полное доверие и незамутненная независимость в финансовых расчетах. Если кто иногда по небрежности и забывчивости теряет счет деньгам в ущерб Антону Павловичу, так это хозяин «Нового времени», но недоразумения легко разрешаются и тотчас забываются. Их дружеские отношения вызывают ревнивую зависть коллег-писателей. Ходивший в ранге приятеля и соратника Иероним Ясинский записывает в дневнике: «Чехов – суворинская содержанка». Другой приятель, Жан Щеглов, услышав сие суждение, в своем дневнике присовокупил: «И вся эта сплетня, разумеется, из зависти к его слепому успеху». Вот так: оказывается, что успех к Чехову явился ни с того, ни с сего, «слепой успех»! И одному и другому Чехов помогал всячески – был Моцартом для милых приятелей, игравших иногда в Сальери.

Мелихово. Зима. 1892 год.

Семья переехала в Мелихово 1 марта 1892 года.

«22 февр.

Третьего дня я был в имении, которое покупаю. Впечатление ничего себе. Дорога от станции до имения всё время идет лесом. Само имение симпатично. Дом новый и крепкий, с затеями. Мой кабинет прекрасно освещен сплошными итальянскими окнами и просторнее

московского. Амбары и прочие постройки новы. Сад и парк хороши. Инвентарь, если не считать рояля, никуда не годен.

Парники хороши. Оранжереи нет».

Он вполне удовлетворен увиденным.

«Вещи уже уложены. Вчера отправил 60 пудов багажа, что обошлось дешевле 6 рублей.

Миша был в Тапканове. Говорит, что там только 10 комнат. Комнаты велики. Но все-таки для вас тесно. Когда же поедет? Можно поехать на лошадях, прямо из Лопасни». Чехов по уговору с Сувориным хлопчет о покупке для Алексея Сергеевича имения поблизости от Мелихова. Не подошло Тапканово. Ладно. В Лопасне продается имение Садки, предводителя дворянства П. М. Рюмина. Имение в полном порядке. Говорят, есть даже зоологический сад.

«За деньги благодарю Вас, голубчик, от всей души. Вы дали мне крылья. Если бы не нововременский банк, то мне от натуги пришлось бы лопнуть. Половина ссуды будет погашена, вероятно, в августе, ибо денег я не брал за несколько изданий. В общем, долг уплачен будет года в три, не больше, или в два, не меньше. За книги я денег брать не буду до тех пор, пока долг мой не обратится в нуль. Купил я 20 линей и впустил их в пруд. На развод. Заказал рыбакам карпий».

На После привольные плесы – на мелиховской усадьбе пруд «Аквариум». Туда Антон Павлович запустил линей и готовится разводить карпов. Новоселу все в Мелихове по душе – даже неповторимое своеобразие вождеденной рыбалки. Александру в Петербург он на радостях так и отписал про это: «Я купил 20 линей и выпустил их в пруд, который находится в саду, в двадцати шагах от окна. Из окна можно рыбу ловить. Пруд ключевой, а когда я сделаю его еще проточным, то можно будет разводить и стерлядей».

Предводитель дворянства Серпуховского уезда Петр Михайлович Рюмин кормит из своих рук экзотического для Лопасни верблюда – гордость и украшение его зоосада. Суворин на верблюда и на поместье Рюмина в целом не позарился.

Спасибо Таганрогу

Назначенный в конце 1994 года директором Музея-заповедника «Мелихово», то есть на какой-то срок став хозяином воссозданного волей двух художников: племянника великого писателя С. М. Чехова и первопроходца-созидателя музея-заповедника Ю. К. Авдеева мемориальной усадьбы, я хотел понять, почувствовать с каким настроением, привычками и предпочтениями стал укореняться на новом месте Антон Павлович. Все вокруг, а старые работники музея прежде других, говорили о таганрогских корнях.

Когда в 2000-м году отмечали 140-летие Антона Павловича, газетчики заказали статью на тему таганрогских влияний. Как мог, со старанием, исполнил заказ. Не зря говорится, все мы родом из детства. Детство и отрочество Антона Чехова было во многом поучительно.

Маленьким каторжником, по его собственному признанию, чувствовал себя Антоша Чехов, когда ему приходилось по воле отца в ранние утренние часы петь в церковном хоре. Другой каторгой для мальчика были постоянные дежурства в лавке, Чехов писал позже: «Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным». Но как не сказать тут о медали, у которой, как известно, две стороны. Пение в церковном хоре дало будущему писателю превосходное знание богослужебных текстов, основ православия, постигавшихся по необходимости, да еще пришлось кстати изучение Закона Божьего в гимназии.

Антон Павлович – гимназист. Характер, духовная стать, просыпающийся мощный интеллект налицо. И ранняя самостоятельность, достоинство личности, независимость невольно обращают на себя внимание.

Благодаря основательному, прочувствованному знанию богослужебных текстов, практической близости к церкви жизнь православной России в произведениях Чехова предстает достоверной, полнокровной, органически русской, ибо, известно, в ту пору норма жизни: без Бога ни до порога. Сборник Владимира Даля «Пословицы русского народа» открывается максимой, заключающей высший принцип бытия: «Жить – Богу служить». В это суждение каждому вдуматься надо. Русь свою тысячелетнюю историю сложила, руководствуясь этой сентенцией. Владимир Мономах наставлял русичей: «Кто велий яко Бог наш». Наконец, сле-

дует вспомнить исходный нравственный постулат: «Бог не в силе, а в правде». Им руководствовался Антон Павлович всегда и во всем. Для него синонимом правды была справедливость.

Привычка, пусть насаждаемая, рано вставать и быть при этом во всеоружии человеческих способностей стала нормой жизни. Также насаждаемые отцом-матерью трудолюбие, чувство ответственности, само собой выковали характер Антона Чехова. Великий писатель это ведь природный талант и великое трудолюбие. Чехову того и другого было не занимать. Не трудно догадаться, что «сидение в лавке» вырабатывало у даровитого мальчика наблюдательность, приметливость, памятьливость на лица и характеры. Вот и в Мелихове, вставая по таганрогской привычке очень рано, он успевал сделать многое. Начинал с богоугодных дел – принимал больных крестьян, ожидавших с рассвета на скамейке под окном писательского кабинета, превращавшегося на это время в кабинет врача. Естественно, лица, характеры, нравы – прибыток писателя. Завершив прием страждущих, садился за писательский стол.

Парадная лестница Таганрогской мужской классической гимназии Кто усомнится в неистребимом, добром влиянии строгой красоты интерьеров этого здания на воспитание вкуса гимназистов!

Лавка Павла Егоровича Чехова, надо сказать, весьма приличное торговое заведение. К услугам покупателей-посетителей все, что угодно. Крах торгового предприятия П. Е. Чехова до сих пор не ясен вполне.

Чувство ответственности возрастало, крепло в таганрогской среде. Мальчиком он оставался один на один с покупателями при всем наличном товаре в отцовской лавке: чувство ответственности велико и обременительно, однако оно, с детских лет войдя в его нравственный кодекс, помогло сформировать личность выдающуюся во всех отношениях. Каково было Антону, когда он, гимназист старших классов, оставшись в Таганроге один на один с долгами, имущественной тяжбой и другими неустроенными делами, исхитрился зарабатывать себе на хлеб и даже умудрялся поддерживать бедствующую в Москве семью. Полная самостоятельность в 16–17 лет! В этих условиях в нем выработался комплекс неутомимого трудолюбия и предприимчивости, обозначилось, ярко проявилось чувство хозяина, властителя, а не раба обстоятельств. Таганрогские реалии были суровы, но благодатны для становления характера, самостоятельного определения жизненного пути.

Органичен в роли хозяина Антон Павлович в Мелихове – корни этого естества в Таганроге.

Таганрог и окружающие его села во времена детства и юности Антона Чехова были изрядно украинизированными. Не даром Антон Павлович в одном из первых мелиховских писем А. С. Суворину посмеивается на эту тему: «Во мне говорит хохлацкая кровь. Я велел убрать из колодца культурный насос, взвизгивающий, когда качают воду и хочу поставить скрипящий журавль, который у здешних мужиков будет вызывать недоумение». В сегодняшнем Мелихове напоминает об этом поступке Чехова ветхий сруб со склоненной к нему слегой – корпусом журавля.

Привязанность к украинскому сельскому быту была усилена дачными сезонами в имении Лука на окраине Сум, у Линтваревых. Очень хотелось Антону Павловичу стать полтавским помещиком и на родину тянуло, но судьба распорядилась так, что семь самых пло-

дотворных писательских лет владел он поместьем с домом и службами в Мелихове. И, естественно, привычки и обычаи таганрогские, южные, потянулись за семьей Чеховых в Южное Подмосковье. Непременно синенькие на грядках, характерные для юга мальвы и подсолнухи, плетеные оградки, разделяющие усадьбу на ягодники, цветники, огород, сады вишневый и яблоневый. Паломников и экскурсантов радуют уютной красотой невысокие оградки-плетушки. Все спрашивают: почему так, откуда это?

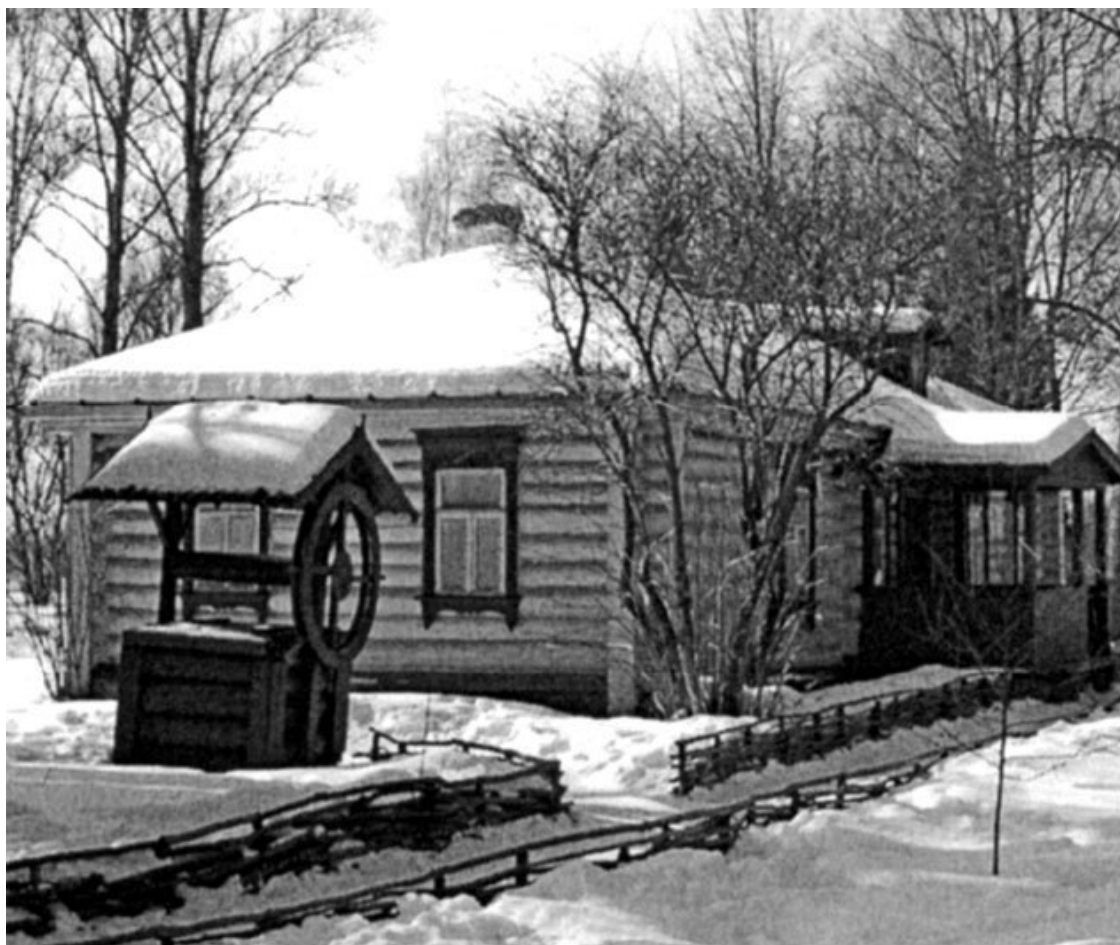
Чехов в августе 1895-го сообщает Н. А. Лейкину: «Теперь огородные дела... Тыквы Ваши грандиозны, так что трудно поднять, посолили в них огурцы. Репа тоже большая, какой мы никогда не видели. Лето вообще было удачное, у нас все созрело, даже баклажаны, не говоря уже о томатах и кукурузе». Прямо-таки не «холодный Серпуховской уезд», а благодатное Приазовье!

«Я изменил хохлам и их песням», – сообщал он в феврале 1892-го писателю Виктору Билибину.

«Хохлы» и украинские мотивы долго будут присутствовать в мелиховских письмах Антона Павловича:

«А Вы хотите в актрисы? Что ж? Это мыло, как говорят хохлы. Я первый буду аплодировать Вам и даже в бенефис поднесу венок и серебряный портсигар», – подшучивает он над своей ученицей и пламенной поклонницей Еленой Михайловной Шавровой. А стилистика письма к златокудрой деве, Канталупе, Кукурузе души Лике Мизиновой таковы, что невольно возникают вкусовые аллюзии, намеки на перенесенные в Мелихово характерные таганрогские и полтавские застольные радости: «Поспевают вишни. Вчера ели уже вареники из вишен с кружовенным вареньем». Варенье, заметим, «кружовенное», так говаривали в Таганроге. Соседа, помещика Ивана Аркадьевича Вареникова Чехов в письмах и разговорах переименовывает на южный лад – «господин Варэников».

Из Таганрога в Мелихово перешло гостеприимство Чеховых. «Мать и сестра у меня народ теплый, любят гостей и мастера кормить, коли есть чем», – делится Антон Павлович с писателем Баранцевичем. «Уроженцы Таганрога, они (Чеховы) любили малорусские кушанья, и Евгения Яковлевна мастерски их готовила и любила угощать по-украински», – вспоминал В. А. Гиляровский.

Плетеные оградки, колодезь с ведром на цепи. Куст бузины возле угла рубленой избы-пятистенки: кухни и жилого помещения для прислуги.

Ощущение степных просторов, вольного воздуха жило в нем от ранних лет и то, что было достоинством родины, он искал и находил в мелиховском окружении. 16 февраля 1894 года он пишет из Мелихова своей доброй знакомой, актрисе Клеопатре Александровне Каратыгиной:

«Живу я не в городе, потому что жизнь в деревне обходится мне вдвое дешевле... Здесь у меня и свой сад, и лес, и собаки, и свои лошади, здесь, когда выйдешь за ворота, горизонт видно». А далекая родина манит, рождает ностальгические мысли и желания: «Воздух родины самый здоровый воздух. Жаль, что я небогатый человек и живу только на заработок, а то бы я непременно купил себе в Таганроге домишко поближе к морю, чтобы было бы, где погреться в старости».

Но жизнь протекает то в Мелихове, то в Москве и Петербурге, то в Ялте, то в Ницце. Наиболее подходящая жизнь в Мелихове. Антон с детства был страстным рыболовом – в Таганроге преимущественно ловили бычков. Ну а в Мелихове, благо пруд рядом, хоть из окна спальни удочку закидывай, ловил карасей и всех прочих рыб центральной России, коих Антон Павлович, купив мальков в Москве на Кузнецком мосту, запускал в свой пруд с очень точным названием «Аквариум». В 1895 году он затеял рыть большой пруд, на свободной земле, в поле, вне усадьбы и туда запускал многие виды рыб. Любил Антон Павлович посидеть с удочкой на берегу пруда. Тоже таганрогская привычка, перенесенная в Мелихово.

Апрель. Весенняя страда. На дальнем плане, на лавочке сидит Антон Павлович.

В 1896 году благородный, благодарный таганрожец Антон Чехов передает свою мелиховскую библиотеку в дар родному городу и обязуется в дальнейшем заботиться о ее пополнении. С пересылкой книг чеховской библиотеки в Таганрог напрямую связана кончина Павла Егоровича Чехова. Поднимая тяжеленный ящик с книгами, он почувствовал острую боль – случилось защемление грыжи. Павел Егорович скончался в Москве, в клинике после второй операции, не принеся, как и первая, положительного результата. Незадолго до этого, в начале октября 1898 года, Павел Егорович посадил полученные в посылке Антона из Риги два прутика – саженцы берлинских тополей. Гиганты-тополи по сей день, живы. Они осеняют своими могучими кронами мелиховский усадебный дом Чеховых. А вокруг дома и пруда «Аквариум», вблизи Четырехугольника – поднимаются их сыновья.

1 мая 1897 года сосед художник Порфирий Новович Серегин запечатлел Чехова, собирающегося на рыбалку. Идти далеко не надо – пруд в 10 саженьях от угла веранды, к которой Антон Павлович прислонил самодельные, из орешин, удочки.

Уют, тепло, гостеприимство в мелиховском доме блюли родители – Евгения Яковлевна и Павел Егорович. Антон Павлович все сделал для того, чтобы им жилось хорошо на старости лет.

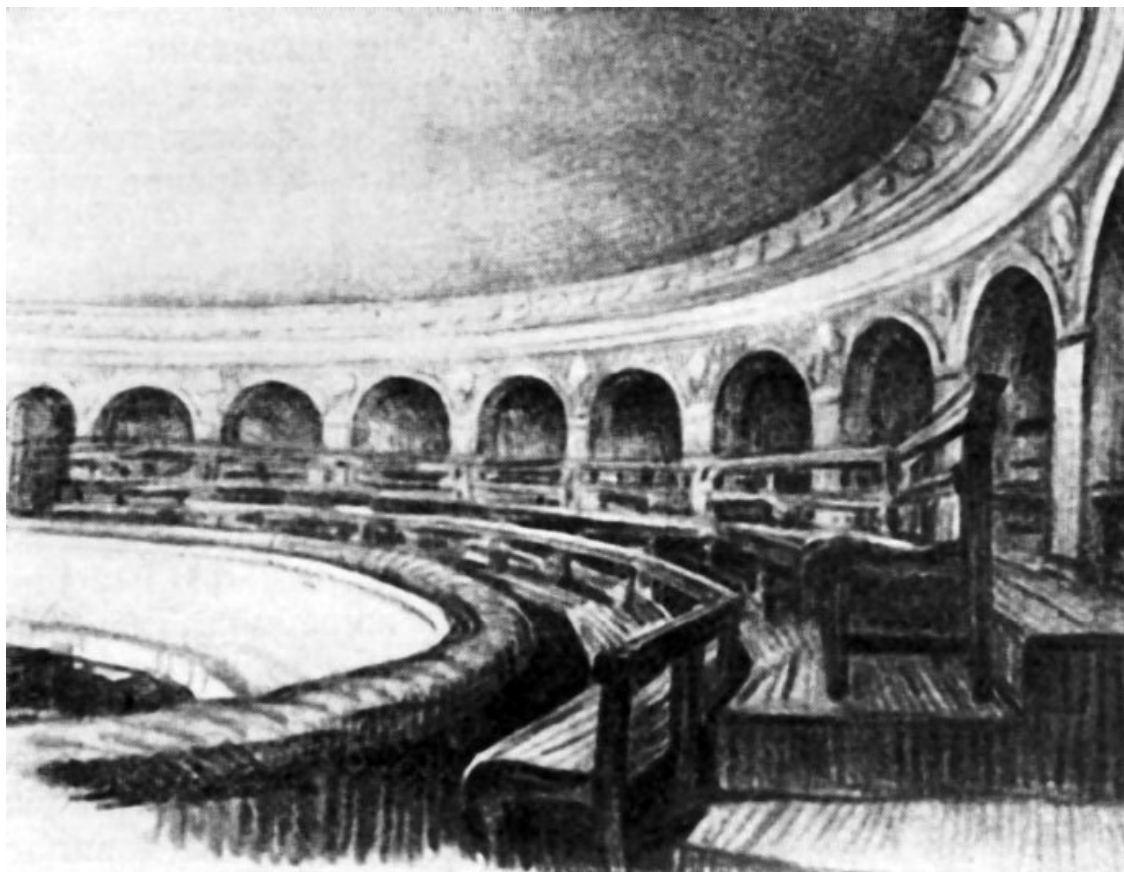
Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, человек близкий мелиховскому дому, кума, постоянная гостя, опекаемая Павлом Егоровичем, как-то заметила: «У всех Чеховых есть одно замечательное свойство – их слушаются цветы и растения, и всё, чтобы они ни посадили, принимается хорошо».

«Отец и мать, единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук», – писал, в июле 1877 года, в точности предвидя свое будущее, семнадцатилетний Чехов. В Мелихове отец и мать жили на покое. Характеры, как известно, и в старости, в сущности, не меняются. Хотя, несомненно, люди смягчают, добреют, впрочем, оставаясь самими собой.

В Таганроге гимназист Антон Чехов сроднился с театром.

С детских лет до последних дней жизни театр не терял для Чехова притягательной силы. Трудно назвать писателя, отдавшего сцене столько душевных сил, как Чехов. Думается, по сей день, недооценивается роль Таганрога в формировании Чехова-театрала. Иван Павлович Чехов вспоминал: «Приходили обычно еще до начала. Весь театр был совершенно

пуст и не освещен. На всю громадную черную яму, горел только один газовый рожок. И, помню, нестерпимо пахло газом. Задним рядам было трудно стоять без опоры, и они обыкновенно устраивались локтями на наших спинах и плечах. Кроме того, все зрители грызли подсолнухи. Бывало так тесно, что весь вечер так и не удавалось снять шуб. Но, несмотря на все эти неудобства, в антрактах мы не покидали своих мест, зная, что их тотчас же займут другие».

Зрительный зал Таганрогского городского театра – альма матер великого драматурга Антона Чехова.

Спустя много лет Антон Павлович так передает ощущения, испытываемые во время посещения похожего на таганрогский Ялтинского театра: «Пишу это в театре, сидя на галерке в шубе. Пошлый оркестрик и галерка напоминает мне детство...» А в годы гимназического увлечения театром чувства были иными – восторг, упоение сценой и увлечение актерами. В семидесятые годы в труппе Таганрогского театра выделялись Николай Новиков, Михаил Яковлев, Фаина Козловская и ее сестра Ольга Козловская. Конечно же, там, где царят на сцене таланты, есть и восторженные поклонники.

Появление молодых ярких солисток оперетты Кольцовой и Полонской, как во времена гастролей итальянских мадонн, разделило таганрогских театралов на две партии. Каждая партия носила галстук определенного цвета. Молодой Чехов, по воспоминаниям современников, тоже носил цветной галстук поклонника Кольцовой.

Антон Павлович всю жизнь любил театр, любил хорошеньких актрис. Если в театре любоваться нечем – очень огорчался. Вот впечатление московского периода жизни:

«Бываю в театре. Ни одной хорошенькой... Все рылиндроны, харитоны и мордомондии. Даже жутко делается...» Это из письма к Марии Владимировне Киселевой, хозяйке Бабкина. Впрочем, хорошеньких на его жизненном пути было предостаточно. Мелихово,

хотя и находилось на некотором удалении от театральных столиц, эстафету почитания хороших приняло от Таганрога достойно. Комиссаржевская и Заньковецкая, Озерова и Яворская, Книппер и Шаврова, судя по переписке с автором «Иванова», «Чайки», «Дяди Вани», обожали Антона Павловича. И к этому времени (Мелиховский период) его суждения о хороших, причастных к театральному миру и близко ему знакомых женщинах, куда мягче «мордомондии» и все же: «От Елены Михайловны Шавровой получен ответ: она очень рада. Играть ей очень хочется, а актриса она, повторяю, очень недурная. Первое впечатление она дает какое-то сюсюкающее – не смущайтесь этим. У нее есть огонек и задор. Хорошо поет цыганские песни и не дура выпить. Умеет одеться, но причесывается глупо». И это о родственной душе, человеке очень близком сообщает Антон Павлович антрепренеру князю Александру Ивановичу Урусову. Примечательный факт – сестра Е. М. Шавровой Ольга начинала свою театральную карьеру в Таганроге. Из Ниццы 29 октября 1897 года Чехов пишет Е. М. Шавровой: «Ваша сестра поступила на сцену? Как это хорошо! Я рад за Таганрог. В самом деле, это недурной город, там любят театр и понимают, и, если там теперь хорошая погода (едва ли) то он не должен показаться Ольге Михайловне очень противным. Сообщите мне, под какой фамилией она играет, я напишу в Таганрог, чтобы ее угостили пирогом. Там мои тетушки пекут превкусные пироги. А тамошние борщи и соусы – это сплошное блаженство».

Антон Павлович заботливо, с оттенком влюбленности относился к Ольге Шавровой, выступавшей в театральном мире под артистическим именем Ольга Оленина (по мужу Дарская). Когда возникали ситуации, в которых позарез нужна была актриса лирического амплуа, он тот час вспоминал об Ольге Михайловне. Из Ялты в октябре 1898 года он пишет Шавровой-Юст: “Вчера был в доме Иловойской. Говорили о Вашей сестре Ольге Михайловне. В самом деле, если она хворает, то отчего бы ей не приехать в Ялту? Здешний воздух скоро бы поправил Вашу сестру.”

Спустя месяц Антон Павлович пишет в Таганрог двоюродному брату:

«Милый Жоржик, в настоящее время в Таганроге подвизается артистка Оленина. Будь добр, напиши мне, имеет ли она успех, а главное познакомься с ней и передай, что я ей низко кланяюсь». Далее в письме пояснение – путь Ольги Шавровой в театр весьма труден. Ее, Ольгу Оленину, надо поддержать, помочь освоиться в Таганроге. Как видим, репутация родного города для Чехова важное дело. И к судьбе Ольги Михайловны он не равнодушен.

24 марта 1898 года из Ниццы, где его держит мучительница-болезнь, Чехов обращается к Елене Михайловне:

«Если Ваша сестра будет работать в Таганроге (в этом сезоне после Пасхи), то пусть поклонится степи, которая там, в апреле очень хороша. Кстати сказать, недавно я послал в Таганрогскую библиотеку всех французских классических авторов, около 400 томов».

Мы виноваты одинаково

Много сил было положено мелиховскими новоселами на приведение в порядок дома и усадьбы. Павел Егорович Чехов, решивший вести дневник – жизнеописание бытия в благообременном имении, сделал 1 и 4 марта 1892 года записи и отложил ведение летописи до лучших времен, пояснив: «В продолжение сего месяца дневник не велся по случаю уборки и очистки комнат». Приехавший в Мелихово старший сын Павла Егоровича восполнил этот пробел тем, что сделал фотографические снимки – первые мелиховские виды.

Итак, в конце марта из Петербурга пожаловал Александр Павлович Чехов. Он человек многосторонних интересов, одарен многими талантами. Среди прочих занятий, которыми увлечен – фотография. Профессиональные снимки Александра Чехова постоянно печатаются в газете «Новое время», где он работает репортером. Эстетическая сторона съемки всегда на высоте, притом что документальная содержательность его фотографий выше всяческих похвал. Талант и всё тут!

Как кстати в марте 1892 года он оказался в Мелихове! Самое начало течения мелиховской жизни запечатлел Александр Павлович.

Мелиховская усадьба стала притягательным местом, как только там поселился писатель и врач Антон Павлович Чехов, и, конечно же, благодаря сердечности и гостеприимству всей семьи.

Дом хорош. В самой большой комнате с тройным окном во всю стену писатель устроил кабинет. За ним шли: гостиная, комната сестры Марии Павловны, спальня Антона Павловича, «келья» отца: с иконостасом, конторкой, за которой он, стоя, делал записи в дневнике, уютная столовая и комната матери, Евгении Яковлевны, откуда шло руководство домашним хозяйством – кухней, уборкой, стиркой и прочим. Была еще одна комната – проходная, с портретом Пушкина. Его подарил приехавший на новоселье полтавский помещик Александр Иванович Смагин. Он, надо заметить, появился в Мелихове с предложением руки и сердца Марии Чеховой. С намерением познакомить семью с невестой – учительницей Александрой Алексеевной Лёсовой приехал брат Антона Павловича Иван Павлович Чехов, педагог начальных классов. Первое письмо Антона Павловича из Мелихова, адресованное брату Ивану, содержало «приглашение приехать к нам» Александре Алексеевне. И вот означенная особа вошла в мелиховский усадебный дом рука об руку с Иваном Павловичем. Младший брат – податной инспектор Алексинского уезда Михаил Павлович Чехов – в первое время фактически постоянно находился в Мелихове, исполняя роль управляющего имением.

«Если я в этом году не переберусь в провинцию, – писал Антон Павлович Смагину в декабре 1891 года, – и если покупка хутора почему-либо не удастся, то я по отношению к своему здоровью разыграю большого злодея. Слова «покупка хутора» впрямую относятся к Александру Ивановичу. Его попросили подыскать хутор на Полтавщине, которая полюбилась после проведенных Чеховыми на Луке двух дачных сезонов. И, как не оправдываясь, как не объясняя неудачу, просьбу Антона Павловича Смагин не исполнил. Не вышел из помещика Смагина разворотливый, удачливый агент по продаже и приобретению недвижимости. А вот Чехов Антон Павлович задачу приобретения имения решил, пусть в иных пределах. В Южном Подмоскowie у него теперь есть свое милое Мелихово. Планы Смагина – предложение руки и сердца хозяйке Мелихова, Марии Павловне Чеховой, идут вразрез с его, Чехова, планами. Назревает житейская драма.

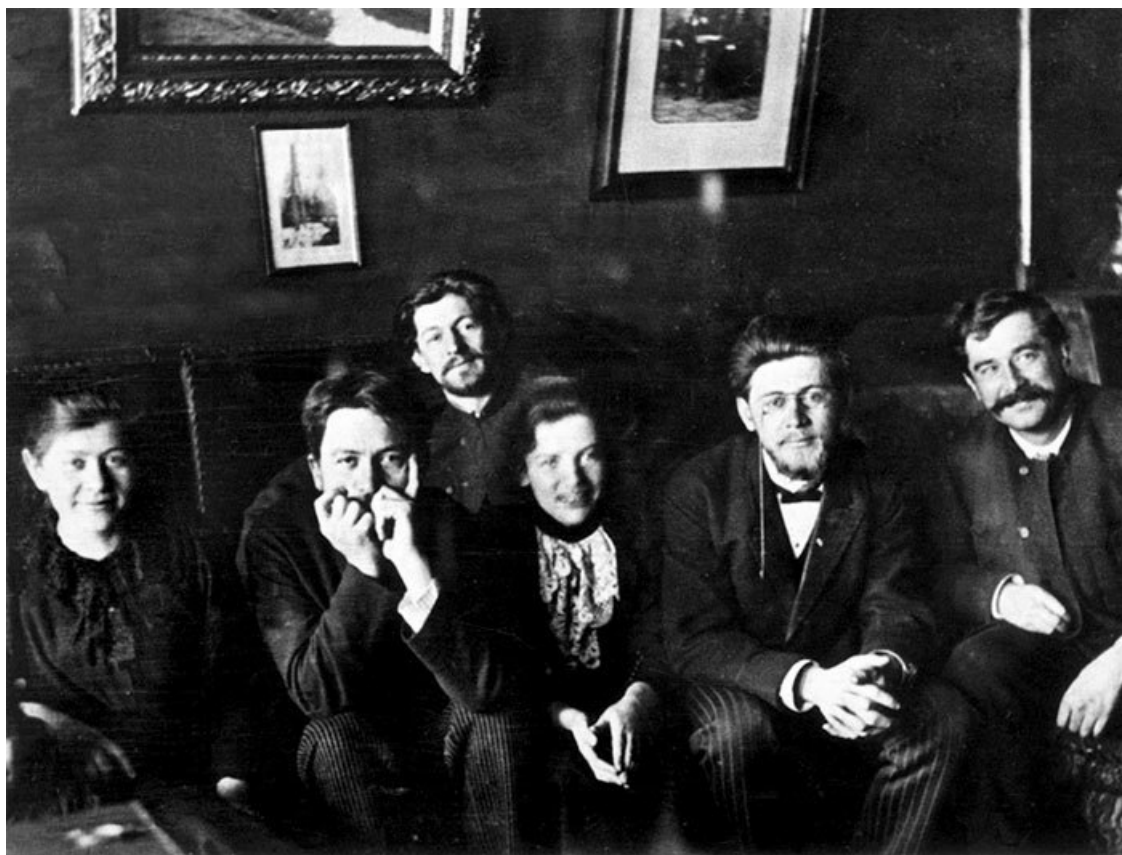
«Не по моим желанию и воле возникла ситуация, способная взорвать, разрушить еще только складывающийся мелиховский усадебный мир, – рассуждает Чехов, – Я мечтал о своем доме – обители семьи, приюте для стареющих родителей, опоре душевного покоя

и физического здоровья. Мечта воплотилась в жизнь. Имение куплено. Дом мне нравится. Решать, конечно, Маше, но я не могу приветствовать ее уход из семьи».

Александр Павлович ловко расставляет треногу для «цейсса» и просит Чеховых и их гостей расположиться в пределах турецкого дивана, чтобы все вошли в кадр. Подмигнув Смагину и обращаясь к Антону, Александр изволил грубовато пошутить:

– Счастлив, что ты, Антон Палч, помещик. Завидую тебе. Жаль только, что обзавелся усадьбой ты не в Хохляндии. Я к ней, Хохляндии, не знаю почему, чувствую особое тяготение. Из любви к хохлушкам, пампушкам и вареникам что ли?

Все заулыбались, вовсе не в знак согласия, а благодушно мечтая каждый о своём. Наконец уселись по ранжиру: крайняя слева – Маша – «хозяйка Мелихова», так ее величал Антон, рядом с ней сам писатель – он взял в кулаки нижнюю часть лица – бородку и усы и потому выделяются его большой чистый лоб, прищуренные улыбающиеся глаза. К Антону льнет Лёсова, счастливая от близости знаменитого Чехова – красавца, известного писателя. За ними – Антоном и Александрой – словно вытесненный этой парой – Иван, еще не сознающий свершающейся в душе Лёсовой измены. Выдвинулся вперед самодостаточный, особо «весомый» на этом снимке, младшенький, любимец мамы Миша – Михаил Павлович Чехов. Замыкает композицию кадра Александр Иванович Смагин – он, как сбоку припека.

Эта фотография бесценна. Во-первых, Александр Павлович запечатлел характеры и отношения собравшихся в мелиховском доме Чеховых персон. Во-вторых, зафиксирована среда: достоверность музейной экспозиции в прямой зависимости от этого снимка.

Летом 1888 года Чеховы, побывав в имении Бакумовка, познакомились и подружились с родственниками Линтваревых братьями Александром и Сергеем Смагиными. Гостили там пять дней, влюбились в здешние места и стали мечтать о покупке хутора на Полтавщине. Оба брата не однажды приезжали в Москву, останавливались у Чеховых в доме Корнеева,

доме-комоде. Переписывались. Маша, которой Антон поручил довести до результата намерение подыскать имение на Полтавщине, в декабре 1891-го ездила туда, побывав с практической целью у Линтваревых и у Смагиных. Моталась по хуторам и имениям довольно долго; проводником в поисках хутора вблизи Сорочинец, был Александр Иванович Смагин. Возникло сердечное тяготение у двух молодых людей. По горячим следам Смагин направил Марии Павловне решительное письмо: «Желание быть Вашим мужем так сильно у меня, что ни любовь Ваша к Жоржу Линтвареву, ни незначительность привязанности ко мне не остановило бы меня от исполнения этого желания при Вашем на то согласии... Судите как хотите, я не боюсь также суда Антона Павловича – я его хочу».

Александр Павлович сделал несколько снимков. Но, как говорится, от перестановки слагаемых сумма не меняется. Здесь все мужчины наособенку – у каждого открылся повод задуматься. И это бросается в глаза. Недаром называется главный узел съемочной камеры “объектив”.

При том, что Смагиным верно была определена степень увлеченности Марии Павловны («незначительность привязанности»), она в ответе, посланном в Бакумовку, видимо, всё же обнадежила Александра Ивановича, что и дало ему основание приехать в Мелихово за невестой. От Марии Павловны 26 марта 1892 года последовал отказ в устной форме. 3 апреля разъяренный соискатель руки Маши Чеховой писал из Бакумовки: «Мне стоило больших усилий воздержаться от скандальной сцены в Мелихове. Помните: что я был в состоянии раздавить Вас там – я Вас ненавижу... и только то радушие, с которым меня встретил Антон Павлович и ко мне все время относился – меня спасло».

Дипломатия, несомненно, – искусство. Им в совершенстве владел Антон Павлович и, вынужденный обстоятельствами, применял искусство сие на практике. Ему слишком дорого далось мелиховское жизнеустройство. Что поделаешь, так вот. В свое время Мария Павловна поведала миру, как всё было в реальности со сватовством.

«Александр Иванович был красивым мужчиной и интересным человеком, нравился мне, и хотя сейчас трудно сказать, любила ли я его тогда, но я задумывалась о своем замужестве. Долго я не говорила о его предложении в семье. Но как-то решилась поговорить прежде всего с Антоном Павловичем.

– Знаешь, Антоша, я решила выйти замуж.

Брат, конечно, понял, за кого, но ничего мне не ответил. Я почувствовала, что брату эта новость неприятна, хотя он продолжал молчать. Да и что, в сущности, он мог сказать? Я понимала, что он не сможет сознаться, что ему будет тяжело, если я уйду в другой дом, в свою новую семью... Но он никогда не произнес бы слова «нет». Растерянной, беспомощной я вышла из кабинета брата и долго плакала в своей комнате, не зная на что решиться. Много я думала. Любовь к брату, моя привязанность к нему решили дело. Я не смогла пойти на то, чтобы причинить брату неприятности, расстроить привычный образ его жизни».

Антон Павлович до конца 1893 года писал Смагину дружеские, веселые письма – как ни в чём не бывало! Александр Иванович по-прежнему пребывал в святом неведении относительно роли хозяина Мелихова в его судьбе. Он так и не женился – чувство к Маше Чеховой пронес через всю жизнь.

Столь же печален итог представления семье Чеховых Александры Алексеевны Лёсовой.

14 апреля Александр Павлович извещал брата: «Принялся за мартовские фотографии», а 19 июня сообщал, что 25 выезжает с пуэрами Колькой и Тошей в Мелихово. Фотодокумент – июньская карточка! Скорее всего «цейсс» держал в руках младший брат, Михаил Павлович, поскольку Александру Павловичу очень хотелось запечатлеть себя и своих ребяташек в мелиховской среде, на веранде усадебного дома. Доказательством этого желания может служить чувствительное признание петербургского Чехова: «Твоим именем я очарован».

Эту фотографию (негатив на стекле) мне посчастливилось разыскать в фотофонде Государственного Литературного музея. Как говорится, “кто ищет, тот всегда найдет”. Или: “На ловца и зверь бежит”. Горжусь этим маленьким вкладом в чеховедение.

Кто запечатлен на июньской фотографии? Мария Павловна Чехова, сестренка учительницы Александры Алексеевны Лёсовой – круглолицая, гордая собой Поля, Александр Павлович в шляпе и темных очках, ужасно серьезный, кажется, «выпимши». В центре кадра, боком к съемочной камере сидит Лёсова и, наконец, Евгения Яковлевна – мать Александра, Антона, Ивана, Марии, Михаила Чеховых, бабушка Коли и Тоши, которые на этом снимке забавно выглядят, словно птенцы из гнезда, семейного, разумеется.

Как-то так случилось, что в центре внимания на фотографии – Лёсова. Ее состояние уже не то, что на снимке мартовском. С тревогой и болью смотрит она в объектив фотоаппарата. Положение ее в доме Чеховых и в кадре неустойчивое. Вот-вот сорвется и полетит неизвестно куда.

Кто она, Александра Алексеевна Лёсова? Родилась в семье фабричного сторожа, происхождением из кантонистов. Стало быть, из самых военных низов. Окончила учительскую семинарию, и стала сельской учительницей. При следующем стечении обстоятельств познакомилась с Иваном Павловичем Чеховым.

Весной 1890 года закрыли Арбатское начальное училище, в котором несколько лет преподавал Иван Павлович, и учитель начальных классов оказался за штатом. Не сразу появилось приемлемое предложение, и он скучал, заползая в долги, страдая от одиночества бессемейной жизни. Когда получил предложение поехать в Дубасово, что под Судогодой во Владимирской губернии, то стал там, в двухклассном народном училище при стеклозаводе заведующим. Вторым учителем назначили Александру Алексеевну Лёсову. Само собой, это молодых людей сблизило. Она учила девочек, он – мальчиков. Вместе рано утром, до занятий, вели детей в храм на молитву, потом занятия с 8.30 до 4 часов пополудни. Хлопоты о полотне для сменного белья, новых подушках, одежде для детей. Вечерами чтение для

рабочих. Читали попеременно он и она. Сблизились в этом удаленном от больших городов и родных семей глухом углу. Скука, безденежье, чуждое окружение. Речь зашла о помолвке, о предстоящей свадьбе. Ивану хотелось познакомить невесту с семьей, со старшим в доме братом Антоном. Встреча с известным всей России писателем Чеховым ошеломила её. Дух зашелся от восторга. Она глаз не могла оторвать, так понравился. И Антон, чего греха таить, потянулся к ней. «Когда мы фотографировались, – вспоминала впоследствии Александра Алексеевна, – Чехов потихоньку старался рассмешить меня и мою сестренку Полю, а сам в это время сидел с самым невинным видом. Я еще кое-как крепилась, а девочка не могла удержаться от смеха». Та встреча в Мелихове с Антоном стала для Лёсовой причиной разрыва отношений с Иваном Павловичем. Пути их разошлись Иван Павлович учительствовал в Москве, Лёсова по-прежнему в Дубасове. В мае 1894-го, когда страсти утихли, а Иван Павлович почти год как обрел суженую, Лёсова писала: «Многоуважаемый Антон Павлович... у нас на фабрике основывается библиотека... Денег, конечно, очень мало – так не будете ли Вы добры, пожертвовать что-нибудь из Ваших произведений... Вы не ответили на мое пылкое чувство чувством, так сделайте это одолжение. Мне бы очень хотелось повидать Вас. Но судьба жестока».

Книги Антон Павлович послал и объяснился с девушкой, чье сердце нечаянно так сильно растревожил. Обидно, что, выходя замуж, Лёсова сожгла письма Чехова. Такая потеря! Если отнестись с доверием к тому, что она написала в ответ на признательное послание Чехова, то поймешь, что в отношениях с женщинами Антон Павлович не был бесстрастным, рациональным, холодным, почти святошей. Не был! Напрасно наговаривали.

«Иван Павлович просил меня никогда не встречаться с ним, потому что ненависть его слишком велика. Вы, по-моему, хороший психолог: можете ли Вы отыскать тут смысл? Мы виноваты одинаково, но нет вражды в сердце моем», – исповедовалась Лёсова. Когда и между кем могла разгореться вражда и в чём оба виноваты? Да ни в чём! Справедлива пословица: «Сердцу не прикажешь». Вспыхнула, загорелась в сердце любовь к милому, доброжелательному, веселому, остроумному, статному красавцу (и то, что не женат, как не иметь в виду!) и девушка увлеклась. Судьбу свою она, в конце концов, устроила, а о дарованной ей судьбой мелиховской нечаянной радости всегда вспоминала, как о счастливейшем мгновении.

Доктор Чехов

Чехов вышел не только из гоголевской шинели, но и из белого медицинского халата. Между профессиями врача и писателя, безусловно, существует тесная связь. Антон Павлович сознавал это. Замечательно его признание на сей счет: *«Занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня как для писателя может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где не возможно – предпочитал не писать вовсе...»*

Условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как она происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, то есть, нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что он имеет дело со сведущим писателем. К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу; и к тем, которые доходят до всего своим умом, – не хотел бы принадлежать».

Да, чтобы хорошо, всесторонне знать человека, ориентироваться в вопросах строения и функций человеческого организма, в здоровых и болезненных состояниях как тела, так и духа объекта писательского внимания, без близости к медицине обойтись трудно, почти невозможно. Одной интуиции мало.

Альма-матер

Известно, что в гимназические годы юный Антон Чехов написал две большие пьесы «Безотцовщина» («Платонов») и «Нашла коса на камень». Его литературная одаренность проявилась в них в полной мере. «Платонова» в наши дни ставят в театрах всего мира. Однако, житейские обстоятельства конца 70-х годов XIX столетия (разорение отца П. Е. Чехова, бегство семьи в Москву, где Чеховы сильно бедствовали, неведомо как сводя концы с концами) потребовали, чтобы он получил диплом врача, зарабатывал медицинской практикой на хлеб, кормил семью. Вопрос о выборе профессии, видимо, был решен задолго до отъезда Антона из Таганрога в Москву. Юноша заканчивает учебу в гимназии, а мать, Евгения Яковлевна Чехова, торопит его: «Терпения не достаёт ждать, и непременно по медицинскому факультету иди, уважь меня, самое лучшее занятие».

Он любил повторять: “Медицина моя законная жена, литература – любовница”. Он, только войдя на врачебное поприще, с трудом мог унять “любовницу”, которая по молодости лет бесперечь остроумничала. Лейкину, редактору “Осколков”, журнала остроумцев и весельчаков, начинающий эскулап пишет: “Ах... не так давно лечил одной барышне зуб, не вылечил, и получил 5 рублей; лечил монаха от дизентерии, вылечил, и получил 1 рубль; лечил одну актрису-дачницу от катара желудка и получил 3 рубля. Таковой успех на новом моем

поприще привел меня в такой восторг, что все оные рубли я собрал воедино и отослал их в трактир Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочие медикаменты.»

Поскольку, поступив осенью 1879 года на медицинский факультет Императорского Московского университета, Антон оказался в положении старшего в семье, в роли кормильца, ему пришлось в одно и то же время учиться и добывать хлеб насущный литературным трудом – до диплома врача было далеко. Студент-медик, преимущественно по ночам, строчил юморески, святочные рассказы, фельетоны, подписи под рисунки в «Будильник», «Зритель», «Осколки», «Стрекозу», «Мирской толк» и другие «веселящие» публику издания. Все гонорары уходили «в утробу» – на пропитание многочисленной семьи.

О том, в каких условиях Антону приходилось готовиться к зачетам и экзаменам на медицинском факультете и заниматься литературным творчеством, можно получить представление из красноречивого письма того времени: «...В соседней комнате кричит детеныш приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает «Запечатленного ангела». Кто-то завел шкатулку, и я слышу «Прекрасную Елену»... Постель моя занята приехавшим сродственником, который то и дело приходит ко мне и заводит речь о медицине: «У дочери, должно быть, резь в животе – оттого кричит»...

Я имею несчастье быть медиком, и нет индивидуя, который не считал бы нужным «потолковать» со мной о медицине. Кому надоело толковать про медицину, тот заводит речь про литературу, обстановка бесподобная...» Выходить из положения приходится, как говорится, скрепя сердце. Тем не менее, накануне выпускных экзаменов он строг к себе: «Отзываются кошке мышкiny слезки. Так отзывается и мне теперь мое нерадение прошлых лет... Почти всё приходится учить с самого начала. Кроме экзаменов (кои, впрочем, предстоят только), к моим услугам работа на трупах, клинические занятия с неизбежными гисториями морби, хождение в больницы...»

Несмотря ни на что, Антон Чехов весьма успешно осваивает клинические дисциплины. Подтверждение этому – высокая оценка составленных им историй болезни («гистория морби»), данная впоследствии профессором Г. И. Россолимо: «Антон Павлович подошел к своей задаче не как заурядный студент-медик; он нанизал материалы элементарного исследования удивительно гладко и аккуратно, проявив в полной мере все качества добросовестнейшего медика-ученика... Но там, где надо было описать быт и условия жизни пациента, вскрыв ее интимные стороны и дав ее картину, там, где пришлось охарактеризовать болезнь с ее сущностью, условиями развития и течения в то время или в дальнейшем, там чувствуется, что Антона Павловича покатило по гладкой поверхности тихой воды, в отличие от барахтающихся студентов – просто медиков, непривычных к живому изложению возникающих в сознании образов».

Истории болезни, составленные Чеховым – образцовы. Они исполнены в лучших традициях московской медицинской школы, возглавляемой выдающимся, непревзойденным терапевтом Г. А. Захарьиным. Основной принцип определения болезни – это поиски неизвестного по определенной, научно обоснованной системе расспроса, осмотра, лабораторного обследования больного, то есть установления диагноза во всеоружии выверенной методики.

В одной из историй морби Чехов, анализируя истоки неврастения у молодого человека, подмечает влияние внушения на слабую психику, в данном конкретном случае: «Больной не замечал этой болезни, ослабления памяти и общей слабости до тех пор, пока не прочитал медицинской книги, в которой были указаны возможные, но не обязательные последствия психического порока этого пациента».

Характерно, через несколько лет в рассказе «Волк» Чехов даст образцовое описание клиники так называемого навязчивого состояния (форма невроза) у мужественного чело-

века, не дрогнувшего во время схватки с волком, но потерявшего самообладание в томительном ожидании у себя признаков бешенства.

Классикой психиатрического анализа стала запись, сделанная А. П. Чеховым в «Записной книжке»: «Z идет к доктору, тот выслушивает, находит порок сердца. Z резко меняет образ жизни, принимает строфант, говорит только о болезни – весь город знает, что у него порок сердца. Он не женится, отказывается от любительских спектаклей, не пьет, ходит тихо, чуть дыша. Через 11 лет едет в Москву, отправляется к профессору. Этот находит совершенно здоровое сердце. Z рад, но вернуться к нормальной жизни уже не может, ибо ложится с курами и тихо ходить он привык, и не говорить о болезни ему уже скучно. Только возненавидел врачей и больше ничего».

Студент 4-го курса Антон Чехов в феврале 1883 г. пишет брату Александру: «Медицина моя идет crescendo. Умею врачевать и не верю себе, что умею... Не найдешь, любезный, ни одной болезни, которую я не взялся бы лечить. Скоро экзамены. Если перейду в V курс, то, значит, *finite la comedia*... Не имея усов, знаний и возраста, придется вступить на стезю Захарьиных и Циркуненков»... Он чересчур скромн. Знания у него, как говорится, порядочные.

Чехов получил в годы учебы знания исключительной ценности. Московский университет во второй половине XIX в. занимал в России ведущее положение. Московские ученые-медики были активными участниками всероссийских и международных научных комитетов и конгрессов. Занятия на медицинском факультете оказали решающее влияние на формирование научного мышления Чехова. Близкими его интересам были естественные науки и медицина. На первых курсах он слушал лекции Александра Ивановича Бабухина (прообраз профессора Николая Степановича из «Скучной истории»), который с 1865 по 1891 гг. руководил кафедрой гистологии и эмбриологии. О нем Г. А. Захарьин сказал: «Бабухин – это талант, сила, свет и красота Московского университета». Непосредственным учителем Чехова был и заведующий кафедрой патологии Александр Богданович Фогт, которым заложены основы отечественной экспериментальной кардиологии, разработаны методы моделирования заболеваний сердца. С крупными московскими учеными-медиками встретился Чехов на 4-ом курсе. Среди них: Г. А. Захарьин – заведующий факультетской терапевтической клиникой, А. Я. Кожевников, ярко, талантливо излагавший учение о нервных и душевных болезнях, Н. В. Склифосовский, руководивший хирургической факультетской клиникой, В. Ф. Снегирев, заведующий кафедрой акушерства и женских болезней. Свои знания клинической медицины Антон Чехов закрепил в госпитальной клинике профессора А. А. Остроумова. Большое влияние на деятельность Чехова как врача-общественника и гигиениста оказал Федор Федорович Эрисман – основоположник научной гигиены и общественной медицины в России. Чехов, всю жизнь помнивший его лекции, изучал его труды перед поездкой на Сахалин. Отмечая вопиющие нарушения гигиенических условий на сахалинской каторге, Чехов ссылается на санитарно-гигиенические нормы, приведенные в трудах Ф. Ф. Эрисмана.

В сфере научных интересов

На четвертом курсе Чехов под влиянием трудов Чарльза Дарвина задумал научную работу «История полового авторитета – взаимоотношения полов на всех ступенях развития животного мира от простейших до человека».

Антон Павлович обращается к брату Александру: «Не хочешь ли войти в компанию? Не хочешь ли науками позаниматься? Я разрабатываю теперь и в будущем разрабатывать буду один маленький вопрос: женский... Я ставлю его на естественную почву и сооружаю

«Историю полового авторитета». Замысел грандиозен: используя метод Дарвина все разложить по полочкам и сделать вывод. Материал, подлежащий анализу – всё живое.

...В каких видах и классах, по какой причине половой авторитет на стороне мужской или женской особи. Приемы Дарвина. Мне ужасно нравятся эти приемы! После зоологии – займемся антропологией, и чуть-чуть, ибо важного она мало даст. За сим займемся историей вообще и историей знаний».

Затея оказалась сомнительной. Однако размышления с применением методов дедукции и индукции способствовали активизации выдающегося интеллекта Антона Чехова.

«История полового авторитета», – дань увлеченности 23-летнего Антона Чехова эволюционным методом Чарльза Дарвина. Увы, в то время, время накопления знаний, Чехов хотел подойти к решению социальной проблемы взаимоотношения полов в человеческом обществе с биологическими мерками. Зрелый человек, известный писатель, в 1891 году в «Дуэли» резко осуждает идеи социального дарвинизма, высказываемые в повести зоологом фон Кореном, который выступает в активно ницшеанском духе: «...Человеческая культура ослабила и стремится свести к нулю борьбу за существование и подбор; отсюда быстрое размножение слабых и преобладание их над сильными». А поэтому, коль скоро человечеству грозит опасность со стороны нравственно и физически ненормальных, то их надо либо выисать до нормы, как считает фон Корен, либо обезвредить, то есть уничтожить. Подобные взгляды антипатичны врачу и гуманисту Чехову.

Перед окончанием университета Чехов предпринял еще одну попытку научного исследования. В архивах писателя в 1930 году обнаружена рукопись с названием «Врачебное дело в России». Судя по перечню литературы (112 названий), к которой обращался Чехов, делая выписки с комментариями, он намеревался изучить врачевание на Руси с древнейших времен. Для этой цели Чехов обратился к летописям, фольклору, книгам по истории России.

В этой исследовательской работе он сумел показать, как можно увязать факты медицинские с загадками историческими.

«Самозванец не знал падучей болезни, которая была врожденна у царевича Дмитрия», – записал Чехов в комментариях к показаниям современников о причинах смерти Дмитрия Угличского.

Когда А. С. Суворин попросил дать справку о падучей болезни в связи с общественным интересом все к той же загадочной истории смерти царевича Дмитрия, Чехов в письме от 17 марта 1890 года ответил следующим образом: «Зарезать себя мальчик мог. Известно ли, какой нож был у него в руках? Но главное – падучая у него была наследственная, которая была бы у него и в старости, если бы он остался жив. Стало быть, самозванец был, в самом деле, самозванцем, так как падучей у него не было. Когда случится писать об этом, то скажите, что сию Америку открыл врач Чехов, – больше мне от Вас ничего не нужно».

Заинтересовавшись историей медицины, Чехов подошел к этой теме с истинно гуманистических позиций. Его интересовали давно происшедшие войны, эпидемии, «глады», быт и нравы людей, жестокость казней и людоедства, которые соседствовали с разумностью и веселостью народной жизни. Толковое и бестолковое, мудрость народного опыта и нелепости суеверий видит Чехов у истоков народной медицины, фиксируя в своих записях то и другое.

Деятельность врача и литератора вытеснила исторические интересы. Исследовательский труд был отложен, но не забыт. Работа же над диссертацией «Врачебное дело в России» была отложена, как оказалось, навсегда. Мечта о продолжении увлекательного исследования, тем не менее, жила в его душе.

В газетной публикации рассказа «Житейские мелочи» были такие строки: «...Хорошо также упрятать себя на всю жизнь в келью какого-нибудь монастыря... день и ночь будет он

сидеть в башенке с одним окошком, прислушиваться к печальному звону и писать историю медицины в России...» В последующих изданиях, рассказа этих строк нет.

В замысле так и ненаписанной диссертации «Врачебное дело в России», заключена была мысль, которую он высоко ценил и лелеял многие годы. В рассказе «Студент» вера в то, что прошлое связано с настоящим непрерывной цепью событий, вытекающих одно из другого, выражена в образе поистине бессмертном: «...дотронулся до одного конца, как дрогнул дугой».

Под заголовком рукописи «Врачебное дело в России» Чеховым проставлены 1884 и 1885 – годы работы над диссертацией. В дальнейшем систематическая работа уже не шла, но отдельные записи в нее вносились. Почерком Чехова послесахалинского времени сделана запись: «Язык природы не понимают потому, что он слишком прост. А. Шопенгауэр». Антон Павлович читал Шопенгауэра в мелиховском 1892 году. Тогда же он послал Суворину в «Новое время» заметку под названием «От какой болезни умер Ирод?» Заметка эта, вроде бы, не связана с русской историей, но она находится в русле интереса Чехова к истории медицины, да и свидетельство о характере болезненных проявлений у старца Ирода взято в российских Четьи-Минеех (текст св. Феофилакта.).

В 1901 году на запрос С. П. Дягилева Чехов среди прочего сообщает: «Остров Сахалин» написан в 1893 г. – это вместо диссертации, которую я замыслил написать после 1884 г. – окончания медицинского факультета».

В конце 80-х годов Чехова стали угнетать сомнения в полезности, эффективности его литературного труда. Он тосковал по практическому, полезному для общества делу, мучительно искал выход из своего творческого и идейного кризиса. Таким выходом ему представлялась поездка на Сахалин. Решение ехать окрепло к концу 1889 года.

О Сахалине народ сложил пословицу: «Кругом море, а посередине – горе». Антон Павлович счел для себя необходимым окунуться в это горе, побывать на острове невыносимых страданий.

Но вместо пустопорожних сожалений об этом, он, преодолевая тяжелую болезнь (туберкулез, дающий о себе знать с весны 1884 года систематическими приступами кашля, кровохарканья), едет на Сахалин, где осуществляет большую научно-исследовательскую работу. Он пишет А. С. Суворину о цели экспедиции буквально следующее: «Еду совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий... Я хочу написать хоть 100–200 страниц и этим немного заплатить своей медицине...»

Итак, Чехов собирался взглянуть на каторгу глазами врача. На острове, как указал сам Антон Павлович, он пробыл 3 месяца и два дня. За это короткое время им была проделана колоссальная работа. Он побывал почти во всех населенных пунктах острова, познакомился с жизнью большинства ссыльных. Был на ногах ежедневно с пяти утра до позднего вечера. Чтобы знакомство с жизнью ссыльных не оказалось поверхностным, Чехов проводит перепись всего населения по специально разработанной им подробной анкете, содержащей 12 пунктов. (Прообраз первой всероссийской переписи 1897 года.). Он привез домой в Москву более 10 тысяч статистических карточек, позволивших ему провести глубокое медико-социологическое исследование.

Книга «Остров Сахалин» имеет подзаголовок «Из путевых заметок». По существу, это основательный, капитальный научно-исследовательский труд. В отличие от традиционной формы научных работ, в которых предмет исследования остается «за сценой», в «Острове Сахалине» читатель становится очевидцем и участником проводимого исследования. Вместе с очеркистом-художником читатель видит ту предельную степень унижения человека, дальше которой, по словам Чехова, нельзя уже идти.

Заковывают в кандалы. Сахалин. 90-е годы XIX столетия.

«Мой «Сахалин» – труд академический, – констатирует Антон Павлович в письме к А. С. Суворину. – Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантизмом. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат...»

За время пребывания на острове Чехов познакомился со всеми врачами Александровского, Тымовского и Корсаковского округов. А. П. Чехову принадлежит приоритет описания клиники болезни, носящей ныне название «дальневосточной скарлатиноподобной лихорадки, или псевдотуберкулёза». Болезнь эта весьма распространенная во времена Чехова среди местного населения называлась тогда «неточно определенной лихорадочной болезнью». «Этот тифоид, – указывал доктор Чехов, – очень распространен здесь, особенно в северных округах, но в отчет не попадает и сотая доля всех случаев, так как больные обыкновенно не лечатся»... Чаще всего встречаются такие больные на дорожных работах и на местах новых поселений. Это настоящая *febris sachalinensis* (сахалинская лихорадка).

От туберкулеза, отмечал Чехов, на острове умирают чаще всего лица молодого возраста. Доктор Чехов определил и высокую смертность от сифилиса. Больные, которых видел Антон Павлович «производили жалкое впечатление; эти запущенные, застарелые случаи указывали на полное отсутствие санитарного надзора, который, в сущности, при малочисленности ссыльного населения, мог бы быть идеальным».

Чехов заостряет внимание на диагнозе «маразм» – состояние полного упадка психической и физической деятельности человека вследствие старости или длительной хронической болезни. От «маразма» умирают далеко не старые люди – 27,30,43,48 лет. Доктор Чехов отмечает, что «каторжный или поселенец 40 лет большей частью выглядит стариком».

Казалось бы, книга «Остров Сахалин» удовлетворяет всем самым высоким требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор, совершивший гражданский и научный подвиг, несомненно, заслуживал искомой степени. Когда же к декану медицинского факультета с предложением рассмотреть вопрос о присуждении ученого звания «док-

тор медицины» обратился однокашник и друг Чехова, профессор Григорий Иванович Россолимо, декан – патологоанатом профессор И. Ф. Клейн не пожелал даже разговаривать с ним на эту тему. Присуждение ученой степени автору «Острова Сахалин» означало бы официальное признание крамольной книги, в которой было ярко показано существование чудовищных античеловечных явлений, в медицинской сфере в том числе.

Результатом публикации книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» стали реформы, направленные на улучшение положения каторжных и ссыльных. Были отмечены телесные наказания, кандалы, бритье головы, клеймение и пр.

Антон Павлович заметил как-то: «Если бы я не сделался писателем, вероятно, из меня вышел бы психиатр».

В то время московскую школу психиатров возглавлял ученик А. Я. Кожевникова Сергей Сергеевич Корсаков. Он стремился рассматривать вопросы психиатрии с позиций учения И. М. Сеченова о рефлексах головного мозга. Корсаков предложил и стал применять по отношению к больным систему «нестеснения». В числе последователей Корсакова был земский психиатр Владимир Иванович Яковенко – один из основоположников социальной психиатрической помощи в России. Антон Павлович познакомился с Яковенко в мелиховские годы. В эту пору Владимир Иванович исполнял должность главного врача губернской психиатрической больницы в с. Покровское-Мещерское неподалеку от Мелихова. Чехов, постоянно интересовавшийся психиатрией, был рад знакомству с Яковенко и бывал в его лечебнице неоднократно.

«Психопат», «психопатия» – термины, означавшие пограничные с патологией расстройства нервной системы до 1884 года, не были известны населению России, отсутствовали в имевшихся тогда классификациях психических заболеваний. Благодаря глубокой разработке в творчестве А. П. Чехова – он психологически точно и скупой нарисовал тип астенического психопата в рассказах «Поцелуй», «Психопаты» – эти термины вошли в жизнь. Такое ныне общепринятое понятие как «душевная боль» Чехов описал в рассказе «Припадок» «по всем правилам психиатрической науки».

Максим Максимович Ковалевский – юрист, профессор Московского университета, человек близко знавший Чехова, в своих воспоминаниях писал, что если бы судьба не наделила Чехова художественным талантом, он приобрел бы известность как ученый и как врач. Пристрастия Чехова были на стороне точных наук, и в самом его литературном творчестве проявлялись, как редко у кого способность к точному анализу, лишенному какой-либо сентиментальности и преувеличений.

Сомерсет Моэм писал об особенностях творчества Чехова: «Я не знаю лучшей школы для писателя, чем профессия врача... Врачебная практика пошла Чехову на пользу... Он видел лучшие и худшие черты человеческой натуры».

Медицинское образование давало возможность Чехову расширять и углублять круг своих наблюдений и брать из того, что он видел, самое необходимое для литературного творчества. Отсутствие «иллюзий» позволяло Чехову, сохраняя художественное начало, быть точным, как и должно быть врачу.

Хорошо осведомленный о заболеваниях сердца и кровеносных сосудов Чехов в «Скучной истории» с определенной образностью и научной правдой описал грудную жабу у героя повести. Болезнь органически вошла в сюжетную канву произведения. Писателем показана взаимосвязь между личностью человека и болезнью.

Доктор Антон Павлович Чехов диагностирует эту болезнь у своего «благовестителя», писателя Григоровича. В письме к А. С. Суворину он так излагает причину стенокардического приступа у Дмитрия Васильевича Григоровича и существо заболевания: «Старичина поцеловал меня в лоб, обнял, заплакал от умиления и от волнения у него приключился жесточайший припадок грудной жабы. Он невыносимо страдал, метался, стонал...» Чехо-

вым здесь показана прямая связь кризисного проявления болезни с высоким эмоциональным напряжением.

Известный профессор-кардиолог Р. П. Шульцев разъяснял и подчеркивал: «Атероматозный процесс – медицинский термин, означающий жировое перерождение артерий, был применен Чеховым на 6–7 лет раньше, чем он вошел в широкий, врачебный обиход». Существенный вклад в науку!

«Сама по себе грудная жаба – болезнь неважная, но у Дмитрия Васильевича она является симптомом болезни, которая называется атероматозным процессом, перерождением артерий – недуг старческий и неизлечимый – разъяснял Антон Павлович Суворину. Об этой болезни Вы составите себе ясное представление, если вообразите обыкновенную каучукую трубку, которая от долгого употребления потеряла свою эластичность, сократительность и крепость, стала более твердой и ломкой. Артерии становятся такими вследствие того, что их стенки делаются с течением времени жировыми или известковыми. Достаточно хорошего напряжения, чтобы такой сосуд лопнул. Так как сосуды составляют продолжение сердца, то обыкновенно и само сердце находят перерожденным. Питание при такой болезни плохо. Само сердце питается скудно, а потому и сидящие в нем нервные узлы болят, – отсюда грудная жаба...»

Антон Павлович однажды пророчески изрек: «Когда-нибудь убедятся, что я, ей богу, хороший медик». Это так!

«Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь»

В произведениях А. П. Чехова не редкость персонажи, страдающие различными заболеваниями. Освещая медицинские проблемы, Чехов поднимает их до общечеловеческого звучания.

«Случай из практики» – рассказ о таком случае, когда мало быть терапевтом и психологом, а надо еще быть очень чутким человеком и в какой-то мере социологом. Все эти качества соединяет в себе врач-художник Чехов и оттого рассказ «Случай из практики» заключает в себе диагноз на все времена: «Следует предпринять все необходимое, чтобы хозяином жизни не был дьявол, который, к примеру, основательно устроился на фабрике Ляликовых».

«Субъективное ощущение больного человека» – такой курс лекций мечтал прочитать студентам-медикам выпускник Московского университета Антон Чехов. Такой возможности ему в свое время не дали. Когда в марте 1887 года он вызван был старшим братом Александром к заболевшей тифом его жене, явился на свет рассказ «Тиф». Окончательно понудило писать этот рассказ еще и дорожное впечатление на ту же тему. Чехов в этом рассказе описал симптомы тяжелого, смертельно опасного заболевания с полной научной достоверностью и передал точное во всех деталях лихорадочное томление больного, – передал высокохудожественно и объективно. «В почтовом поезде... в отделении для курящих, ехал молодой поручик Климов. Офицер чувствовал себя ненормальным. Руки и ноги его как-то не укладывались на диване, хотя весь диван был к его услугам, во рту было сухо и липко, в голове стоял тяжелый туман, мысли его, казалось, бродили не только в голове, но и вне черепа, меж диванов и людей, окутанных в ночную мглу. Сквозь головную муть, как сквозь сон, слышал он бормотанье голосов, стук колес, хлопанье дверей. Звонки, свистки кондуктора, беготня публики по платформе слышались чаще, чем обыкновенно. Время летело быстро, незаметно и потому казалось, что поезд останавливается около станции каждую минуту». Вспомним ли «Попрыгунью» – описание заражения дифтеритом, тщетные усилия коллег-врачей и кончина доктора Дымова; описание угасания раковой больной – сестры Алексея Лаптева – Нины Федоровны из повести «Три года» и многие другие произведения Чехова, где рассуди-

тельно, мудро, по-докторски компетентно рисуются, иногда в нескольких словах определяются тяжкие человеческие недуги, всякий раз писатель предстает явлением богоданным, – таким, каких не было до него, он единственный в своем роде.

Совсем молодой, безусый студент-медик Антон Павлович Чехов. Он пишет брату Александру: “Не найдешь, любезный, ни одной болезни, которую я не взялся бы лечить... не имея усов, знаний и возраста, придется вступить на стезю Захарьиных и Циркунинок-вых...”

«Своими «Именинами» я угодил дамам. Куда ни приду, славословят. Право, не дурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь. Дамы говорят, что роды описаны верно. В рассказе, посланном для Гаршинского сборника я описал душевную боль». Рассказ «Припа-

док», к тому же, в нравственно-психологическом аспекте ставил острейший для русского общества вопрос.

Земский врач, домашний доктор, визитирующий эскулап

В чеховское время было, в основном, три категории докторов: земские врачи, городские врачи, состоящие на казённой службе и постоянно визитирующие эскулапы – наиболее преуспевающая часть врачебной корпорации (тип такого медика дан в рассказе «Ионыч»).

Земские врачи по всеобщему признанию – самоотверженные труженики. На том скудном пайке, на каком содержалась земская медицина, она могла и не выжить, едва появившись на свет (к моменту получения Антоном Павловичем лекарского паспорта она насчитывала двадцатилетнюю историю), если не было бы в нее притока разночинной интеллигенции, которая внесла в земское дело неподдельную любовь, искреннюю преданность, горячую убежденность, упорную энергию – все то, что служит залогом успеха в общественном служении.

«Прослужить в земстве 10 лет, – писал Чехов, – труднее, чем 50 быть министром». Зачастую, по объективным и субъективным причинам, места земских врачей занимали малограмотные фельдшеры. В иных земствах считали: «Так лучше: доктор – «господский» лекарь, фельдшер – «мужицкий».

В ранних рассказах («Сельские эскулапы», «Хирургия») и более поздних («Неприятность», «Палата № 6») Чехов сатирическими красками рисует «мужицких» фельдшеров, по сути своей более близких к городскому Очумелову, нежели к классному, имеющему медицинское образование, фельдшеру.

Весной 1884 года Антон Павлович успешно выдержал выпускные государственные экзамены и поехал в г. Воскресенск (ныне г. Истра), где в приходской школе учительствовал брат Иван, и где обычно летом собиралась вся семья Чеховых.

В двух верстах от Воскресенска находилась Чикинская земская больница, возглавляемая доктором П. А. Архангельским. К нему на временную работу устремился новоиспеченный доктор А. П. Чехов. Павел Арсентьевич и Антон Павлович были знакомы – Чехов летом 1883 года проходил здесь студенческую практику.

23 июня 1884 года в Петербург Н. А. Лейкину, редактору-издателю журнала «Осколки», в котором постоянно публикуются рассказы Антоши Чехонте, посылается победная реляция.

«Живу теперь в Новом Иерусалиме... Живу с апломбом, так как ощущаю в своем кармане лекарский паспорт.

Курс я кончил... Предлагали мне место земского врача в Звенигороде, отказался.

Лекарь и уездный врач А. Чехов».

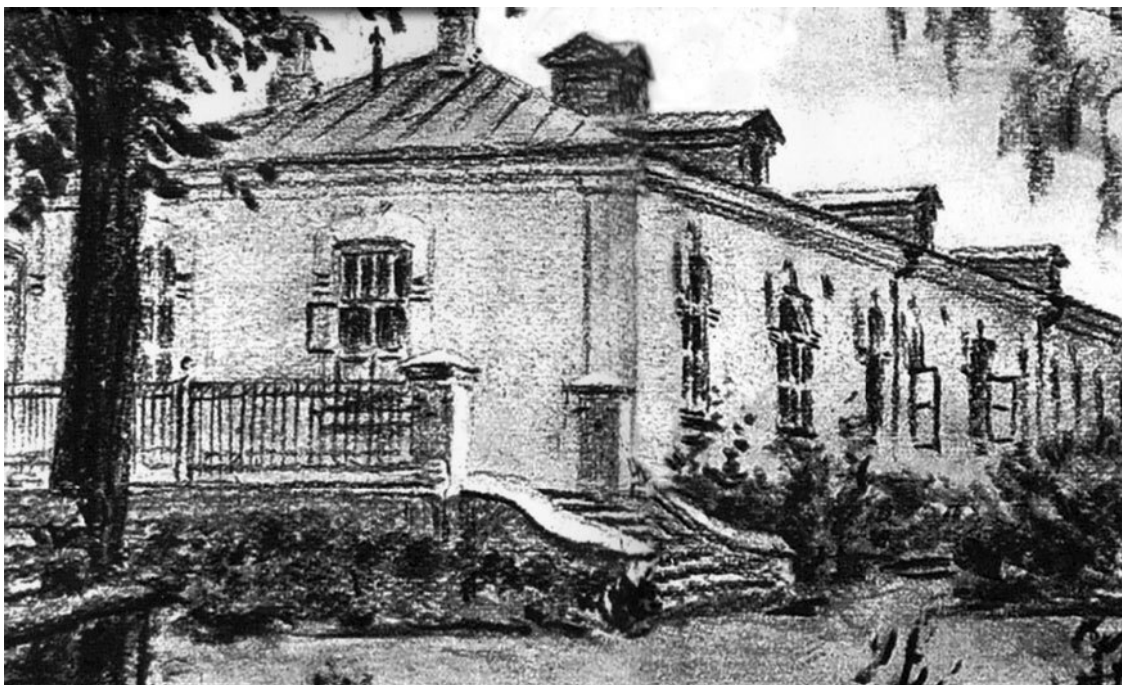
*Чехову 25! Он визитирующий врач. Пишет в Таганрог дяде Митрофану Егоровичу:
“Медицина моя шагает помаленьку. Лечу и лечу. Каждый день приходится тратить
на извозчика более рубля. Знакомых у меня очень много, а, стало быть, немало и больных.
Половину приходится лечить даром, другая же половина платит мне пяти и трехрубле-
вики Капитала, конечно, еще не нажил и не скоро наживу, но живу сносно и ни в чем не*

нуждаюсь. Если буду жив и здоров, то положение семьи обеспечено... Что будет дальше, неведомо. Теперь же грешно жаловаться.»

Главная причина отказа от Звенигорода – хотелось ума-разума набраться у П. А. Архангельского, с которым близко сошелся во время студенческой практики.

«Чикинская больница считалась поставленной образцово, – вспоминал брат-биограф Михаил Павлович Чехов, – сам Павел Арсеньевич был очень общительным человеком, и около него всегда собиралась для практики, медицинская молодежь, из которой многие потом сделались медицинскими светилами...»

У скромной сельской больницы, естественно, были слишком скромные возможности для того, чтобы, работая в ней, получать солидный клинический опыт. Но зато безграничный диапазон, универсальность предоставляемой населению медицинской помощи и главное – здесь Антон Павлович прошел школу сострадательного отношения к больному, бескорыстного служения общественному благу. Этой школе он был верен всю жизнь.

Чикинская больница.

За работу там пришлось взяться, что называется, засучив рукава. 27 июня Чехов делится с Лейкиным:

«...Сейчас я приехал с судебно-медицинского вскрытия, бывшего в 10 верстах от Воскресенска. Ездил на заливчатской тройке купно с дряхлым, еле дышащим за ветхостью, никуда не годным судебным следователем, маленьким, седеньким и добрейшим существом. Вскрывал я вместе с судебным врачом на поле, под зеленью молодого дуба, на проселочной дороге...»

Доктор Павел Арсентьевич Архангельский, сам довольно молодой по возрасту и практике врач, слыл универсальным, всемогущим доктором Антона Чехова он принял по-братски, с полным доверием. Антон Павлович помнил его доброту всю жизнь.

Сюжеты, детали, краски – так и просятся на бумагу, но еще больше захватывает процесс овладения секретами докторской службы. Павел Арсентьевич Архангельский так оценивает деятельность молодого врача: «Антон Павлович производил работу не спеша, иногда в его действиях выражалась как бы неуверенность, но все он делал с вниманием и видимой любовью к делу, особенно с любовью к тому больному, который проходил через его руки. Он всегда терпеливо выслушивал больного, ни при какой усталости не повышал голоса, хотя бы больной говорил и не относящееся к уяснению болезни... Душевное состояние больного всегда привлекало особое внимание Антона Павловича...»

Одновременно с работой в Чикинской земской больнице Чехов принял на себя (вновь временно) заведование земской больницей в Звенигороде. В очередной депеше Н. А. Леи-кину (14 июля 1884 г.) он следующим образом излагает случившееся: «В настоящее время я нахожусь в граде Звенигороде, где волею судеб исправляю должность земского врача, упро-сившего меня заменить его на 2 недельки. Полдня занят приемкой больных (30–40 человек

в день), остальное время отдыхаю или же страшно скучаю, сидя у окна и глядя на темное небо, льющее уже 3-й день нехороший дождь...»

Казалось бы, проблема, одолевавшая его не один год, чему все-таки себя посвятить: врачебному делу или писательскому, была решена в пользу медицины. Перед ним, как он сам говорил, «открылась стезя Боткина и Захарьина». В руках твердая профессия, да и близкие не советуют менять «настоящее дело на бумагомарание».

Чехов не собирается и не может оставить (кормить семью надо!) литературные занятия, но на протяжении двух лет по окончании курса медицинского факультета уделяет им только «досуг»: несколько свободных от врачебной деятельности часов в дневное время и значительный кусок ночи. Такой режим жизни очень скоро привел к сбоям, обострению легочной болезни. В декабре 1884-го он сообщает в раздражении и недоумении: «Вот уже три дня, как у меня ни к селу ни к городу идет кровь горлом. Это кровотечение мешает мне писать, мешает поехать в Питер... Вообще – благодарю, не ожидал! Три дня не видел я белого плевка, а когда помогут мне медикаменты, которыми пичкают меня мои коллеги, сказать не могу. Общее состояние удовлетворительное... Причина сидит, вероятно, в лопнувшем сосудике... Как на смех, у меня теперь есть больные... Ехать к ним нужно, а нельзя... Не знаю, что и делать с ними... Отдавать другому врачу жалко – все-таки ведь доход!...»

В студенческие годы Чехов мечтал начать свою личную врачебную практику в Таганроге, о чем сообщал родне. 31 января 1885 года он объясняет в письме дяде Митрофану Егоровичу Чехову: «Прошное лето не мог быть у Вас, потому что сменил товарища земского врача, бравшего отпуск, в этом году рассчитываю попутешествовать, а стало быть, и повидаюсь с Вами. В декабре я заболел кровохарканьем и порешил, взявши денег у литературного фонда ехать за границу лечиться. Теперь я стал несколько здоровее, но думаю все-таки, что без поездки не обойтись...»

Куда бы я ни поехал – за границу ли в Крым или на Кавказ, Таганрога я не миную... Жалею, что не могу послужить купно с Вами родному Таганрогу... Я уверен, что служа в Таганроге, я был бы покойнее, веселее, здоровее. Но такова уж моя «планида», чтобы навсегда остаться в Москве... Тут мой дом и моя карьера... Служба у меня двоякая. Как врач я в Таганроге охалатился бы и забыл свою науку, в Москве же врачу некогда ходить в клуб и играть в карты. Как пишущий я имею смысл только в столице.

Антон Павлович еще в студенческие годы взял на себя медицинское обслуживание семьи. Он не только был в семье кормильцем, но и исполнял функции домашнего доктора. Его постоянными пациентами, прежде других, были родители – Павел Егорович и Евгения Яковлевна Чеховы. Затем сестра Маша и все братья с их домочадцами.

Врачебный выезд. Доктор Чехов совершает объезд своего участка. Лето 1892 года.

Характерный пример эффективного врачевания – заболевание в январе 1893 года тяжелой формой тифа отца и сестры. Вывел он их из кризисного состояния, поставил на ноги. Отсутствие же Антона Павловича в Мелихове (в октябре 1898 г. он, хронический легочный больной, находился в Ялте) привело отца к трагическому финалу. Защемление грыжи, ввиду отсутствия своевременной врачебной помощи, вызвало омертвление тканей и смерть Павла Егоровича на операционном столе.

Чехов сознает, что он – благодетель для всех родных: «Нашим раздолье: даже тетка Федосья Яковлевна у меня лечится; недавно лечил Ивана. Иметь у себя в доме врача – большое удобство».

Старшего брата Александра, склонного к алкоголизму, подверженного психопатическим срывам, Антон Павлович постоянно наблюдал, как врач-психиатр, положительно влиял на хронического больного, предупреждал рецидивы, выводил из кризисных состояний.

Брат-художник Николай Павлович Чехов был самым трудным, туго поддающимся врачебному воздействию пациентом доктора Чехова. Антону Павловичу приходилось созывать консилиумы врачей, исполнять роль и лечащего врача, и медицинской сестры, и сиделки. Смертельная болезнь Н. П. Чехова в марте-июне 1889 г (тиф на фоне скоротечной чахотки) легла тяжким грузом, испытанием нравственных и физических сил на Антона Павловича.

Чехов был домашним доктором своих друзей: знаменитого архитектора Ф. О. Шехтеля, выдающегося художника-пейзажиста И. И. Левитана, прославленного репортера В. А. Гиляровского, писателя В. Г. Короленко, поэта Лиодора Пальмина, издателя Николая Александровича Лейкина, издателя, драматурга, публициста Алексея Сергеевича Суворина и членов его семьи. Антон Павлович выступал в качестве домашнего доктора для хозяев имения Бабкино – семьи Киселевых, где Чеховы снимали на все лето дачные помещения в 1885–1887 гг. То же в случае с сумскими помещиками Линтваревыми, где Чеховы были дачниками в 1888–1889 гг.

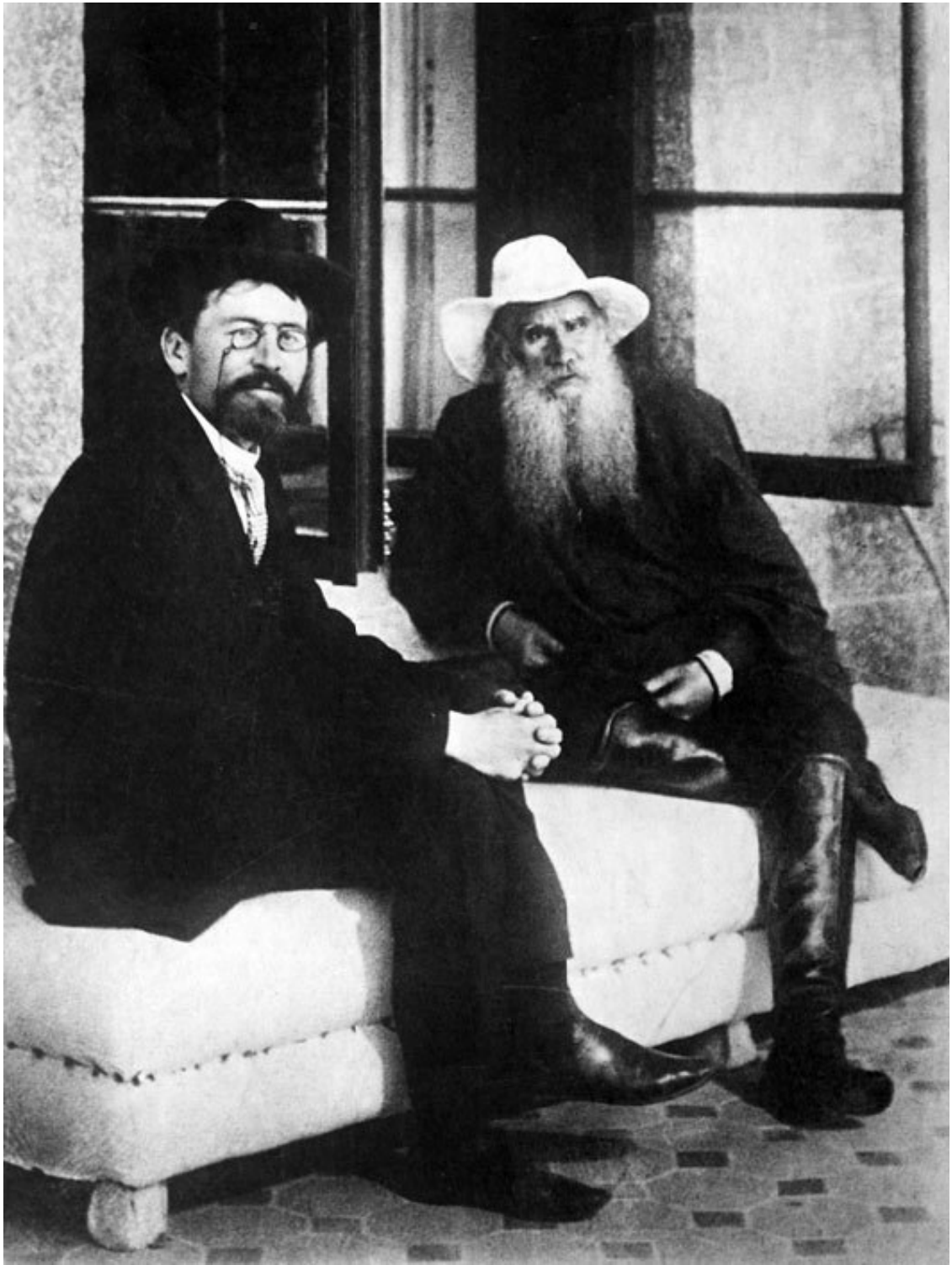
Наконец, пациентом Антона Павловича в ялтинские годы стал Л. Н. Толстой. Чехов неоднократно выезжал в Гаспру для оказания срочной помощи. Доктор Чехов (единственный!) поставил правильный диагноз Толстому, считавшемуся обреченным, спрогнозировав великому писателю еще несколько лет, что подтвердилось.

Существованию Антона Павловича в двух ипостасях не позавидуешь. Он пишет в декабре 1885-го Лейкину: «Дела по горло, но сядешь писать – не пишется: то и дело начало зачеркиваешь; к больному надо ехать – проспшишь или за писание сядешь...» 6 апреля 1886-го ему же посылает фактически SOS: «Я болен. Кровохарканье и слаб... Не пишу... Если завтра не сяду писать, то простите: не пришлю рассказа к Пасхе... Надо бы на юг ехать, да денег нет».

Этому тревожному письму предшествовали февральско-мартовские настораживающие известия, посылаемые друзьям: «Гиляй болен. Что-то у него начинается. Т. высокая, но в чем дело, пока неизвестно». «Пишу и лечу. В Москве свирепствует тиф (сыпной), унесший в самое короткое время шесть человек из моего выпуска. Боюсь! Ничего так не боюсь, а этого тифа боюсь... Словно как будто что-то мистическое...»

О страхе пишет, а страха не признает. Лечит тифозных больных. Не всегда захватывает болезнь во время. В семье художника Александра Степановича Янова заразились друг от друга буквально все. Мать семейства и одна из трех ее дочерей скончались. Чехов долго терзал себя раскаянием. Даже снял с дверей дома, где он жил табличку «Доктор Чехов», зарекся в дальнейшем быть визитирующим эскулапом. Но, увы, жизнь, пациенты требовали его участия: «Докторскую вывеску не велю вывешивать до сих пор, а все-таки лечить приходится! Бррр... Боюсь тифа!

Коллеги доктора при встречах вздыхают, заводят речь о литературе и уверяют, что им опостылела медицина».

В Гаспре Чехов для Толстого был в первую очередь не лечащий врач, а долгожданный, интересный собеседник, оппонент в нескончаемой философской полемике. Встретившись, о болезнях они тотчас забывали.

Антон Павлович крепится изо всех сил:

«...Фамилию и свой фамильный герб я отдал медицине, с которой не расстанусь до гробовой доски...

Впрочем, Суворин телеграммой просил дозволения подписать под рассказом фамилию. Я милостиво позволил, и таким образом мои рассуждения *de facto* пошли к черту».

В первом своем письме А. С. Суворину, предложившему молодому писателю постоянно, на выгодных условиях сотрудничать в «Новом времени», он писал: «Я врач и занимаюсь медициной... Не могу я ручаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола... Тут риск не написать к сроку и опоздать постоянный...» Но справедливые и во время сказанные слова «благовестителя» Д. В. Григоровича, сумевшего разглядеть в молодом Чехове выдающийся талант, выдвигающий его «далеко из круга литераторов нового поколения», сделали свое дело. Обласканный, ободренный, материально поддержанный Григоровичем и Сувориным Чехов начинает всё больше времени и душевных сил отдавать писательству, поняв, что оно – его истинное призвание, его долг перед Богом и людьми.

Он не убрал в дальний ящик стетоскоп и докторский молоточек, но его основное рабочее место отныне – писательский стол, на котором всегда находились и медицинские инструменты. Чехов все бабкинские летние сезоны (1885–1887 гг.) подвизается в качестве земского врача в Чиikinской и Звенигородской больницах («Вчера я получил письмо от коллеги, земского эскулапа, который просит меня сменить его с субботы 13-го, ссылаясь на то, что ему с женой во что бы то ни стало ехать куда-то в пространство»; 9 июня 1887 г.). Он просит коллегу П. Г. Розанова «взять у врача Успенского оставленную красную рубаху «земского эскулапа» и доставить при случае в Баbкино, как вещественное доказательство пребывания Антона Павловича в г. Звенигороде. В Баbкине и Чиикине он популярен: «Больные лезут ко мне и надоедают. За всё лето перебывало их у меня несколько сотен...»

Подвести итог разговору о деятельности А. П. Чехова на поприще земского врача и визиитирующего эскулапа хочется фрагментом его медицинской «Автобиографии».

«Что касается практической медицины, то еще студентом работал в Воскресенской земской больнице (близ Нового Иерусалима), у известного земского врача П. А. Архангельского, потом недолго был врачом в Звенигородской больнице. В холерные годы (92–93) заведовал Мелиховским участком Серпуховского уезда».

«Ловлю холеру за хвост». Мелихово. 1892–1893 гг

Пик медицинской деятельности Антона Павловича Чехова приходится на мелиховские годы его жизни (1892–1 899 гг.). Это и наиболее значительный и плодотворный период в творческой биографии писателя.

В октябре 1891 года, за несколько месяцев до переезда в Мелихово, Чехов писал: «Если я врач, мне нужны больные и больница, если я литератор, то мне нужно жить среди народа. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни...»

В Мелихове он получил все это сполна.

Очень скоро его избрали земским гласным. Участвуя в работе Серпуховского уездного земского собрания, Антон Павлович становится активным ходатаем по делам народного образования и просвещения. Он организует, вкладывая и свои, писательским трудом заработанные, средства в строительство земских школ в селах Талеж, Новоселки, Мелихово. Составляет проекты, заключает подряды, покупает строительные материалы, обеспечивает школы инвентарем, мебелью, наглядными пособиями. Он подбирает и опекает учителей этих школ, в каждой из которых, устроена просторная, отвечающая нормам гигиены и санитарии квартира для учителя.

Постоянной и самой существенной частью его общественной деятельности вновь, как в молодости, становится врачебная работа. Доктор Чехов (он с первых дней течения мелиховской жизни разъяснял и наделе показывал крестьянам, что он «не барин, а доктор») завоевал сердца мелиховцев, жителей окрестных сел и деревень.

Серпуховской уездный санитарный совет. Стоят: доктор П. И. Куркин, заведующий серпуховской уездной больницей доктор И. Г. Витте, земский гласный князь С. И. Шеховской; сидят: А. П. Чехов, доктор А. А. Кашинцев, М. П. Чехов, председатель Серпуховской земской управы Н. Н. Хмелев.

Без полного доверия писателю Чехову не открылась бы ему во всей глубине нравственных, социальных, эстетических проблем народная жизнь, не были бы написаны повести «Моя жизнь», «Мужики», «В овраге».

Когда Антон Павлович оформлял покупку у художника Сорохтина усадьбу Мелихово, то под договором всероссийски известный писатель поставил подпись «Врач – А. Чехов». Медицина помогала налаживанию добрых отношений. Он с гордостью сообщает А. С. Суворину: «...Мужиков и лавочников я уже забрал в свои руки, победил, у одного кровь пошла горлом, другой руку деревом ушиб, у третьего девочка заболела... Оказалось, что без меня хоть в петлю полезай.

Кланяются мне почтительно, как немцы пастору, а я с ними ласков – и всё идет хорошо».

Чехов заявляет о себе и как санитарный врач. Через уездное земство он проводит запрет на строительство кожевенного предприятия на речке Люторке, из которой окрестное население брало воду.

Чехов для мелиховцев одновременно мудрец и святой. Он сам рисует себя таковым: «... Ходил в деревню к чернобородому мужику с воспалением легкого. Возвращался полем. По деревне я прохожу нечасто, и бабы встречают меня приветливо и ласково, как юродивого. Каждая наперерыв старается проводить, предостеречь насчет канавы, посетовать на грязь или отогнать собаку...»

1892 год, год переезда из Москвы в Мелихово, холерный. С юга на центральную Россию надвигалась страшная эпидемия. Серпуховская земская управа запросила у Чехова согласие на его участие в борьбе с холерой, и он тотчас письменно выразил согласие, отказавшись от платы за работу участкового врача. Антон Павлович взял на себя обслуживание 25 деревень, двух фабричных сел и монастырь Давидова пустынь.

Михаил Павлович Чехов писал об этом времени; «Несколько месяцев писатель почти не вылезал из тарантаса. В это время ему приходилось и разъезжать по участку и принимать больных на дому». С августа по октябрь он принял, записал на карточки около тысячи больных. Отказа не было никому – каждый обратившийся мог быть «холерным больным». Хотя Чехов, посмеиваясь, отвечал вопрошающим, что литературой заниматься некогда: «Ловлю холеру за хвост», – по-чеховски острил он.

Оборонительные редуты против холеры приходилось создавать на голом месте: «Оказался я прекрасным нищим; благодаря моему нищенскому красноречию мой участок имеет теперь 2 превосходных барака со всей обстановкой и барачников пять не превосходных... Я избавил земство от расходов по дезинфекции. Известь, купорос и всякую пахучую дрянью я выпросил у фабрикантов на все свои 25 деревень...»

Усилия не оказались напрасными – холере был поставлен заслон. Когда эпидемия отступила, он, несмотря на невероятную затрату сил, на отсутствие помощников, бездорожье и безденежье, написал своему confidentу Суворину:

«Ни одно лето я не проводил так хорошо, как это... Мне нравилось и хотелось жить... Завелись новые знакомства и новые отношения. Прежние страхи перед мужиками кажутся теперь нелепостью. Служил я в земстве, заседал в Санитарном совете, ездил по фабрикам – и это мне нравилось».

На следующий год снова пришлось предпринять исключительные меры, чтобы погасить новую эпидемию холеры, и снова доктор Чехов по словам его друга, серпуховского санитарного врача П. И. Куркина, «встал под ружье».

«...Лето в общем было не веселое... Я опять участковый врач и опять ловлю за хвост холеру, лечу амбулаторных, посещаю пункты и разъезжаю по злачным местам».

В медицинском отчете, направленном земству, он признается, что амбулаторным больным (принял более тысячи человек!) уделял внимания недостаточно из-за частых разъездов по участку и «собственных занятий, от которых... не мог отказаться».

Врач и литератор – они всегда спорили в нем и всегда взаимодействовали.

Младший Чехов, Михаил Павлович вспоминал: “В сущности у нас в Мелихове образовался настоящий больничный приемный пункт. Ежедневно чуть свет больные уже сидели во дворе усадьбы в ожидании приема. Антон Павлович вел регистрацию больных, и по записям видно, что больные приезжали к нему из деревень, отстоящих от Мелихова на 20–25 верст.”

Ассистентом, медицинской сестрой во время приема старательно и толково работала Мария Павловна, хозяйка Мелихова.

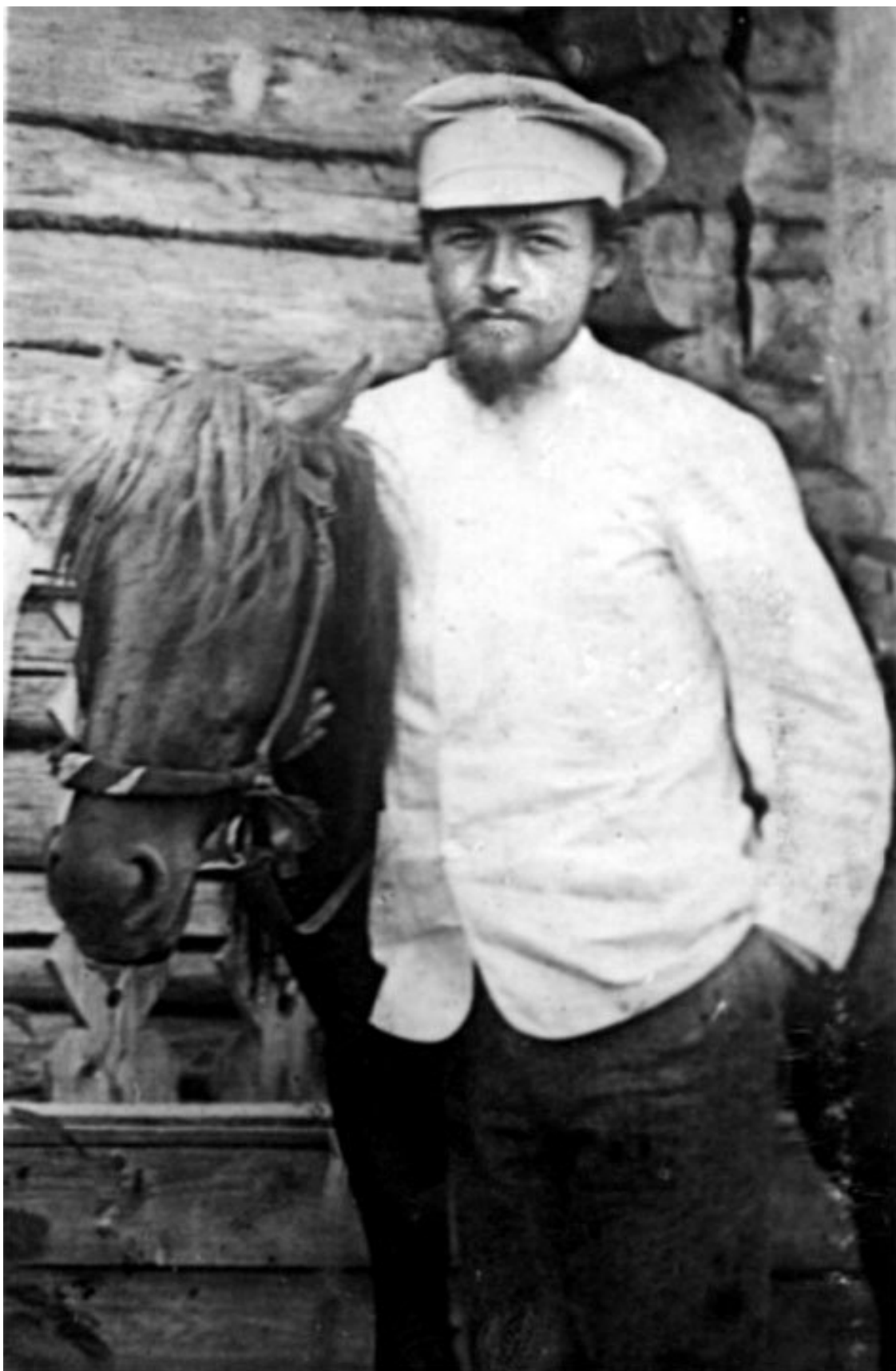
Вот описание состояния доктора Чехова в холерные годы.

«...Душа моя утомлена... Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры...»

А вот так трансформируется это характерное для сельского лекаря мышление в реплике Астрова («Дядя Ваня», Мелихово, 1896 г.)

«...От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили...»

Из человеколюбия Антон Павлович Чехов нес этот крест добровольно, исполняя клятву Гиппократ.

В докторской белой фуражке и кителе, в обнимку с Анной Петровной, служившей ему верой и правдой практически все мелиховские годы. Антон Павлович, не шутки ради, позирует брату Александру для этого замечательного двойного портрета. Как бы он везде успевал, не будь в любой час готова возить его к больным покладистая, работающая, безотказная Анна Петровна!

“Не жалеете Вы себя, Антон Павлович...”

Приняв вещи Антона Павловича от извозчика и проводив писателя до пятого номера, поверенный в делах по Большой Московской, коридорный Семен Ильич Бычков достал из-за обшлага форменной куртки продолговатый конверт.

– Неделю как была здесь с этим конвертом барышня – видная из себя, розовощекая молодая особа. Очень сокрушалась, что вас нет. Оставила конверт, чтоб я передал, – объяснял словоохотливый коридорный, не выпуская из рук письма.

– Семен Ильич, письмо-то барышнино не унесите.

– Ох, грехи наши тяжкие. Заговорился, – поставив на привычное место, справа от стола, баул Антона Павловича, он почтительно передал письмо. – Теперь вы с дороги отдохните, а я мигом закусочку соображу, чайком вас побалую.

– Это кстати. Знобит меня. Прошлой ночью опять кровью плевал.

– Не жалеете вы себя, Антон Павлович, честное слово. По весенней ростепели – грязь, холод, реки вот-вот взломает – вы мотаетесь туда-сюда.

Вместе со стуком в дверь послышался голос:

– Посыльный из «Русской мысли».

Не ожидая приглашения, видимо, осведомившийся у швейцара, что Чехов дома, вошел улыбочивый парень в светлых кудрях, будто обсыпан сосновыми стружками.

– Пожалуйте, Антон Павлович, для вас корректурные листы и записка от Виктора Александровича.

– Спасибо, голубчик! – он немедленно достал из аккуратно склеенного конверта записку. «Дорогой Антон Павлович, в понедельник корректуру верни. Твой В. Гольцев».

– Семен Ильич, какой сегодня день?

– Пятница. 21 марта. – Бычков с важностью извлек из жилетного кармана часы-луковицу. – Пять часов пополудни.

– У меня на корректуру – сегодняшний вечер, суббота и воскресенье. Но не следует забывать, что в Москве Суворин.

Поднес к глазам записку Гольцева: «В понедельник корректуру верни».

– Мне в прошлый раз Виктор Александрович намекал, будто ресторанного официанта Чикильдеева вы с меня списали. Только я здоров, славу богу, а ваш Чикильдеев в деревню помирать выехал.

– Одна умная, талантливая особа сорока с лишним лет от роду тоже вообразила, будто в рассказе «Попрыгунья» с нее списана юная Ольга Дымова. Произошел форменный скандал. Будь она кавалером, непременно вызвала бы меня на дуэль. Гольцев напрасно это вам навязывает. Судите сами: Чикильдеев – смертельно больной, а ты, Семен Ильич, слава богу, в полном порядке.

– А лестно, Антон Павлович, попасть к вам в книжку.

– Ну-ну! А где же обещанный чай, сыр и прочее?!

– Соскучился я по вас. Вот и забылся. Простите! Я мигом. Одна нога там – другая здесь.

Отступив от твердой привычки сразу отвечать на полученные письма, Чехов, повертев в задумчивости письмо, сказал себе: «Завтра». Достал платок, вытер со лба испарину и повалился на спинку дивана. «Мочи нет, говорят старухи деревенские, отшагав 5–7 верст, поспешая на прием ко мне, доктору. Вот и доктор – мочи нет и все тут. Кажется, заболеваю».

Вошел коридорный с подносом, уставленным закусками, и моментально сервировал стол.

– Скажи, Семен Ильич, не приходил ли Суворин?

– Не было их, Антон Павлович. Меня бы известили, если что.

Аксессуары переписной компании на писательском столе Антона Павловича.

...Уютно светит лампа под зеленым абажуром. Тикают часы. Тишина, какой давно не было вокруг него. В Мелихове в январе и феврале шла кампания по переписи населения. Он был «на манер ротного командира» во главе переписчиков Бавыкинской волости. С утра до вечера в гостиной толпились порученцы счетчиков и сами счетчики – помещики, учителя, ветеринары: забирали по счету подписные листы, пачками лежавшие на крышке рояля. Антон Павлович выдавал под роспись каждому счетчику амуницию: папку, опознавательный знак, чернильницу, ручку, пять перьев, карандаш. Он ворчал, бесперечь насмешничал по обыкновению.

Перепись. Выдали счетчикам отвратительные чернильницы, аляповатые знаки, похожие на ярлыки пивного завода, портфели, в которые не лезут переписные листы, впечатление такое, будто сабля не лезет в ножны. Срам. С утра хожу по избам, с непривычки стучаюсь головой о притолоки, и как нарочно голова трещит адски: и мигрень, и инфлуэнца. В одной избе девочка 9 лет, приемышек из воспитательного дома, горько заплакала от того, что всех называют Михайловными, а ее по крестному Львовой. Я сказал: «Называйся Михайловной». Все очень обрадовались и стали благодарить меня. Это называется приобретать друзей богатством несправедливым.

Хлопот было через край. Перепись проводилась впервые. Связь, дороги – убогие. Не доставало то одного, то другого. Приходилось ему вместо алмазной прозы писать казенные бумаги вроде вот этой:

«В Серпуховскую уездную Переписную комиссию. 25 января 1897 г. Мелихово.

Имею честь покорнейше просить выдать для счетчиков Бавыкинской волости 1600 листов формы А-1 и 30 переписных листов для монастыря Давидова Пустынь...»

В меликовской юдоли печали (он – одинокий мужчина, обремененный нескончаемыми трудами, заботами, обязанностями) Антон Павлович открыл в близком окружении духовные пристани, куда устремлялся при благоприятных обстоятельствах и попутном ветре. В монастырь Давидова Пустынь его тянуло потому, что там он мог испытывать столь желанное для него чувство уединенности от суеты мирской, а в больнице доктора Яковенко его ждала радость общения с коллегами, разговоры с достойным собеседником в лице самого Владимира Ивановича.

Не счесть больных, обращавшихся к нему по разным поводам в январе, феврале и марте. В ту же пору устраивал в губернскую психиатрическую больницу к доктору Яковенко эпилептика Григорьева, опасного для общества больного.

Перепись населения оказалась хлопотным делом. 4 февраля он писал учителю из Новоселок Забавину, счетчику Бавыкинского участка:

«Многоуважаемый Николай Иванович! Напоминаю Вам, что вечер 4-го февраля – это крайний срок для представления переписного материала. Буду ожидать Вас сегодня весь вечер, до 12 часов ночи.

Уважающий Вас

А. Чехов».

С Забавиным на пару он ведет строительство нового здания Новоселковской земской школы. Когда в декабре по большому снегу выбирали, обмеряли шагами площадку под стройку, Антон Павлович вымок, сильно переохладился – отсюда непрерывный изнуряющий кашель, головная боль, то, что доктора в те годы называли инфлуэнцей.

Мелиховский староста Прокофий Симанов, в содружестве с которым Чеховым осуществлялось строительство третьей по счету земской школы.

Это о ней, школе в селе Мелихово, Антон Павлович писал Суворину: “Предполагаются еще постройки в недалеком будущем, и если Вы ничего не будете иметь против, то из Вашего пожертвования я буду выдавать по сто рублей, и таким образом Вы окажете помощь не один, а пятнадцать раз.”

Большие хлопоты были связаны с организацией поездки московских артистов-любителей с благотворительным спектаклем в пользу Новоселок в Серпухов. Сколько это потребовало сил!

Чехов сел за стол и погрузился наконец в чтение корректурных листов. Работе мешал надоедливый кашель. Он встал, сгорбившись, пошел «плевать кровью» к умывальной раковине за ширму, которая стояла справа от входа в гостиничный номер. Приведя себя в порядок, возвратился к письменному столу и сидел за корректурой до глубокой ночи. Благо, никто не мешал.

Его утреннее настроение не было радужным, но умиротворенным, деловым, рабочим. Он еще до завтрака стал гасить московские долги.

Письмо барышни извлечено из-под груды корректурных полос, горой лежащих на подоконнике, и вот уже по листу плотной, высокосортной веленовой бумаги рассыпался бисер чеховского раздельно-слитного почерка: каждая буква на особинку, а в то же время «самостоятельные» буквы сбиты в слова, фразы, обороты речи.

«97.22/III. Большая Московская гостиница, № 5.

Милостивая государыня!

Приехав вчера в Москву, я получил от Вас письмо, в котором Вы выражаете желание прислать мне Ваши рукописи. Я рад служить Вам; рукописи я прочту с удовольствием и искренне выскажу мнение.

А. Чехов».

Таким собранным, волевым, красивым (так и хочется сказать, в расцвете сил, хотя это не секрет, что он буквально надрывался в зиму девяносто шестого – девяносто седьмого годов, и совершал, видимо, свыше ему назначенное из последних сил) Чехов был в канун легочного кризиса весны 1997 года.

Невольные размышления о «видной из себя», в понятии Семена Ильича, барышне напомнили ему о безусловно видной, красивой, статной молодой даме – Лидии Алексеевне Авиловой. С ней Чехова связывают давние писательские (он был для нее старшим товарищем в литературе, чем-то вроде наставника, «домашнего критика») и, можно сказать, приятельские, не более того, отношения. К огорчению Антона Павловича, в последнее время Авилова вознамерилась их приятельство, доверительность двух коллег-писателей перевести в ранг отношений ревнивых возлюбленных, что ли, с непременными обидами, недомолвками, выискиванием оскорбительных нот в корректных, деловых письмах Чехова. Послед-

нее письмо Лидии Алексеевны его всерьез огорчило. Оно содержало обвинение в уклонении от условленных встреч и явные, недопустимые, вроде бы, по правилам хорошего тона претензии замужней женщины к ничем не обязанному ей неженатому мужчине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.